
Ирион Зет
Проклятие
двух лун

Ирион Зет
Проклятие двух лун

https://litres.ru/74822299

Аннотация

Они похитили меня, чтобы отдать на смерть. Два брата, два воплощения тьмы, для которых я была лишь разменной монетой. Их руки оставляли синяки, а взгляды - обещание боли. Я должна была их ненавидеть. Бояться. Но я провела всю жизнь, выхаживая в приюте самых озлобленных и покалеченных псов, учась видеть за оскалом их испуганные души. И я разглядела то же самое в них. Один прячет за маской цинизма усталость от вечного насилия. Другой, под личиной хищника, ищет в моих глазах то, что сам давно растерял. Теперь они готовы на предательство и войну, лишь бы оставить меня себе. Их любовь - это омут, грозящий поглотить меня целиком. Смогу ли я приручить этих диких зверей? Или их тьма поглотит мой свет? Порой, чтобы обрести любовь, нужно не бояться протянуть руку к монстру.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	36
Глава 5	45
Глава 6	53
глава 7	59
глава 8	65
Глава 9	70
Глава 10	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Глава 1

Алина

Пес по кличке Барон невзлюбил меня с первого дня. С тех пор каждое утро он встречал меня хриплым лаем и бросался на сетку вольера с такой яростью, словно лично я привязала его к столбу у трассы, бросила там в ноябрьскую слякоть и уехала, ни разу не оглянувшись. Галина Петровна, старшая в нашем приюте, советовала оставить его в покое и кормить через щель в дверце. Такие, говорила она, или оттаивают сами, или так и остаются колючими до конца своих дней, и уговоры тут бесполезны. Я кивала и соглашалась с каждым ее словом, а потом все равно садилась на корточки у сетки, держала на раскрытой ладони кусок вареной курицы и рассказывала огромному черному зверю, как прошел мой вечер, что я купила в магазине и почему опять опоздала на автобус.

В тот четверг Барон впервые взял еду с моей руки. Он сделал это так осторожно, что я почувствовала лишь теплое влажное прикосновение языка и шершавый край губы. Потом пес отступил вглубь вольера, улегся и отвернул морду к стене, делая вид, будто ничего особенного не случилось. Сидела я перед ним еще долго, пока колени не затекли так, что я их почти перестала чувствовать, а джинсы сзади не промокли насквозь. Земля у вольеров не просыхала с сентября, Галина Петровна каждую осень обещала насыпать там гра-

вий и каждую осень благополучно об этом забывала. По щекам текло. Глупо, конечно, реветь из-за куска курицы, но я ревела и вытирала нос рукавом.

- Алинка, ты опять там сидишь, что ли? - донеслось от подсобки, где Галина Петровна гремела ведрами и в который раз ругалась на кран, подтекавший с весны. - Собирайся давай, темно уже, тебе еще через весь город трястись. Барон твой до утра никуда не денется, а вот последний автобус уйдет, и будешь потом таксистам ползарплаты отдавать, как в прошлый раз.

- Галина Петровна, он у меня с руки поел! - Я поднялась, охнув, потому что ногу тут же прострелило иголками, и вытерла ладони о джинсы, хотя чище они от этого не стали. - Сам подошел, понимаете? Я ж ему руку даже не совала, честное слово, держала вот так, на весу, а он постоял, постоял, поводил носом и…

Галина Петровна высунулась из подсобки, вытирая руки о фартук с подсолнухами, давно облезшими до бледных желтых клякс, и уставилась на меня поверх очков, которые у нее вечно сползали на самый кончик носа, сколько она их ни поправляла. Лицо у нее обычно было такое, будто ей весь мир задолжал и отдавать не собирается, а тут вдруг размякло, и она даже фыркнула, коротко, в нос.

- Ненормальная, я ж тебе всегда говорила, - пробурчала она безо всякой злости и шмыгнула носом, в подсобке у нее вечно дуло из-под двери. - Все, героиня, иди домой. Завтра

поглядим, вспомнит он тебя или опять на сетку полезет. У него память, как у моего покойного Коли, хорошее он забывал к утру, а плохое помнил до самой смерти.

Раздевалка у нас была размером с кладовку, вдвоем там было не разминуться, и вечно в ней стоял такой дух, что хоть противогаз надевай: хлорка, мокрая псина да еще сладкие духи одной нашей волонтерки, которая лила их на себя чуть не стаканами. Я впихнулась в пуховик прямо поверх свитера, сунула в карман пакет с недоеденной курицей, на утро, Барону, если он, конечно, утром соизволит меня узнать, и вышла на крыльцо.

Октябрь был злющий. С утра сыпала колючая крупа, ветер драл с тополей последние листья и лепил их на мокрый асфальт рыжими заплатками, и я, сбегая по ступенькам, вдруг подумала, что волосы у меня точно такого же цвета, особенно когда я без шапки. А без шапки я ходила почти всегда, потому что шапку не шла она мне.

В автобусе я отогрелась и задремала, прижавшись виском к запотевшему стеклу, на котором кто-то до меня нарисовал пальцем кривое сердечко. Водитель ругался по телефону с какой-то Ленкой и клялся, что сегодня точно приедет пораньше. Мне клясться было некому. Мама жила в другом городе, звонила по воскресеньям, всегда после своего сериала, и осторожно спрашивала, не появился ли у меня кто-нибудь. Я отвечала, что работы много. Дима ушел полтора года назад и объявил на прощание, вернее, написал, на объяснения

вживую у него смелости не хватило, что устал делить меня с чужими собаками. Удерживать его я даже не пыталась. Он был прав, делить меня ему пришлось бы всегда, это я понимала, просто признаваться вслух не хотелось.

Квартира встретила меня привычным беспорядком. Я снимала ее на последнем этаже старого кирпичного дома, где зимой можно было замерзнуть насмерть, если вовремя не включить обогреватель, а летом задохнуться от жары под раскаленной крышей. Зато окна выходили на парк. По вечерам, когда в доме напротив гасли огни, я стояла у балконной двери с кружкой чая и разглядывала темные кроны, пока глаза не начинали слипаться.

В тот вечер я налила себе полную ванну, такую горячую, что кожа покраснела, едва я опустила в воду ногу. Погрузилась по самые плечи и закрыла глаза, позволив жару проникнуть глубоко в продрогшие мышцы. Рыжие пряди расплылись по поверхности воды, облепили грудь и шею. Я лениво подумала, что давно пора их подстричь, раз ухаживать за такой копной все равно некогда, но тут же пожалела об этой мысли, потому что волосы были единственным, чем я втайне гордилась.

Пальцы сами собой скользнули по мокрой коже, по изгибу талии, по бедру. Я вдруг с острой, почти болезненной ясностью поняла, как давно меня касался мужчина, который хочет женщину и не собирается этого скрывать. Толчки в переполненной маршрутке не в счет, дружеские объятия на чу-

жих днях рождения тоже, а последним, кто меня обнимал, б Димка, пьяный, на чьей-то свадьбе, и разило от него перегаром на весь зал. Тело среагировало раньше головы. Низ живота налился тяжелым тягучим теплом, соски затвердели. Я так разозлилась на себя, что плеснула в лицо пригоршню воды и вылезла, расплескав половину на коврик. Одинокая женщина в ванне, ага. Могла бы придумать занятие поумнее.

Зеркало запотело целиком. Я протерла его ладонью, оставив мокрую полосу в разводах, и оттуда на меня уставилась раскрасневшаяся рыжая девица с потемневшими от воды прядями и карими глазами, в которых было что-то такое... тревожное, что ли, не знаю, как назвать. И на какую-то долю секунды, за моим плечом в глубине отражения шевельнулась тень.

Я развернулась так резко, что поскользнулась на мокром коврике и схватилась за раковину. Сзади было пусто. Дверь ванной стояла приоткрытой, как я ее и оставила, за ней темнел коридор, а на крючке висело полотенце с оленями, которое мама прислала на Новый год.

- Нервы у тебя ни к черту, Алина Сергеевна, - пробормотала я вслух, кутаясь в старый махровый халат, когда-то голубой, а теперь цвета застиранной больничной простыни. - Еще годик с брошенными псами, и сама начнешь на людей кидаться, будешь Барону подвывать.

Собственный голос прозвучал в пустой квартире неуверенно и тонко. Я поймала себя на том, что прислушиваюсь,

хотя слушать было нечего: за стеной у соседей бормотал телевизор, на кухне капал кран. Привычные звуки, которые я слышала каждый вечер и давно перестала замечать.

Однако в коридоре стоял настоящий уличный холод, будто кто-то распахнул настежь балконную дверь и впустил в квартиру весь промозглый октябрь разом. По голым щиколоткам потянуло сквозняком, и кожа на руках мгновенно покрылась мурашками.

Я точно помнила, что закрывала балкон. Я закрывала его всегда, с тех пор как однажды забыла и ко мне залетел голубь, которого я потом полдня выгоняла шваброй, ругаясь на чем свет стоит и жалея его одновременно.

Свет в коридоре мигнул. Я замерла на пороге ванной, вцепившись пальцами в дверной косяк. Свет мигнул снова, лампочка над вешалкой противно зажужжала, и коридор погрузился во тьму. Остался только желтый прямоугольник света из ванной, который падал мне под ноги и обрывался в шаге от порога, словно дальше начиналась бездна.

Из этой темноты на меня глядели глаза, два пятна серебристого огня, неподвижные, широко посаженные. Висели они так высоко, что ни один пес до такой высоты не дотянулся бы, даже Барон, встань он на задние лапы, а он у нас здоровенный, под семьдесят кило. Чуть дальше, у кухни, загорелась вторая пара, янтарная и злая. Эти не стояли на месте, они плавали из стороны в сторону лениво, с какой-то хищной легкостью, и у меня от этого внутри что-то оборва-

лось и ухнуло вниз.

Потом раздался рык. Казалось, рычат сами стены. Звук отдавался дрожью в босых ступнях и полз по позвоночнику к затылку, и я, которая в приюте слышала рычание каждый божий день, по сто раз на дню, такого не слышала никогда. В нем было столько силы и столько полнейшего безразличия к тому, кто его слушает, что стало ясно сразу: предупреждать меня никто не собирается, все уже решено.

Закричать не вышло. Горло перехватило, как петлей, наружу вырвался только сиплый писк. Я попятилась обратно в ванную, шаря рукой в поисках двери, чтобы захлопнуть ее и запереться на шпингалет, пока эти твари не прыгнули.

Серебряные глаза исчезли. Я не успела понять, куда они делись, когда что-то твердое и горячее ударило меня и прижало к стене возле раковины так стремительно, что я даже не почувствовала боли, только оглушающий толчок и жар. Чужое тело навалилось на меня, огромное и раскаленное, как печь, и тепло его проникало сквозь тонкую махровую ткань, будто ее вовсе не было. Широкая ладонь легла мне на живот, туда, где разошлись полы халата, прямо на голую влажную кожу, и прижала к себе так крепко, что я ощутила спиной каждую мышцу незнакомца, твердую грудь, мощные бедра и ровное, пугающе спокойное биение его сердца.

Его вторая рука поднялась к моему лицу и замерла у щеки, едва касаясь кожи кончиками пальцев, шершавых и горячих. Я почувствовала, как он склонился ко мне, как его

дыхание обожгло шею прямо под ухом. Он коротко и жадно вдохнул, словно зверь, взявший след.

- Тише, рыжая, - раздался у самого уха низкий хрипловатый голос, и в нем звучала такая спокойная власть, что я застыла, даже не пытаясь вырваться. - Кричать будешь потом, если захочешь. Сейчас от твоего крика никому не станет легче.

Он говорил на языке, которого я никогда не слышала, гортанном, полном рычащих перекатов, и все же я понимала каждое слово. Слова проникали в голову напрямую, минуя слух, и это было так странно и так страшно, что на мгновение я забыла даже о его руке на своем животе. А потом вспомнила, потому что ладонь шевельнулась, неторопливо скользнула выше, на грудь, к краю халата, едва ее прикрывавшего, и остановилась там, словно хозяин. Мое тело, которое всего полчаса назад тосковало в горячей ванне по мужскому прикосновению, откликнулось на эту ласку тут же, разум даже пикнуть не успел. Внизу живота вспыхнул огонь, колени ослабли, по коже от его пальцев разбежались горячие колючие искры. Я ненавидела себя за это, но остановить отклик не могла. Он это почувствовал. Я поняла это по тому, как изменилось его дыхание, ставшее тяжелым и глубоким, и по тому, как на миг сжались его пальцы.

- Брат, - донесся из коридора второй голос, моложе и горячее первого, с насмешливой хрипотцой. - Ты ее нюхаешь или уносишь? У этих людей стены тонкие, как пергамент.

Еще немного, и соседи сбегутся поглядеть, кто тут у рыжей в гостях.

- Иди вперед и проверь лестницу, я догоню тебя через мгновение.

Я рванулась изо всех сил, вслепую, ударила туда, где по моим расчетам должно было быть его лицо, и попала во что-то твердое. Он даже не дрогнул, только хмыкнул почти одобрительно, и в этом звуке было столько снисходительного превосходства, что меня затрясло от бессильной злости.

- Зубы есть, - проронил он мне в шею, и от горячего дыхания по коже опять побежали мурашки. - Это хорошо. Беззубых я не люблю, с ними скучно.

Ладонь легла мне на глаза. Теплая и тяжелая, она разом отрезала от меня свет, зеркало в разводах и кафель, мокрый под ногами. Осталась темнота под его рукой, жар его тела и звон, гулкий, откуда-то изнутри головы. Звон все нарастал, и я еще успела подумать, совсем не к месту, что кран на кухне так и не закрутила. Последним было его дыхание у самого уха и вопрос:

- Что же ты такое, рыжая, если меня от тебя ведет сильнее, чем от свежей крови?

Звон стал невыносимым, и больше я ничего не помнила.

Сперва пришла боль, тупая, тянущая, в затылке и в правом плече. На нем я, похоже, пролежала долго, подвернув под себя руку, и рука теперь была чужая, деревянная. Потом холод, до костей, до стука зубов. И уже после него солома,

колючая и сухая, она лезла в нос и царапала щеку. От нее тянуло чем-то тяжелым, звериным, с сыростью и дымом, я морщилась, никак не соображая, откуда знаю этот дух, мысли еле ворочались. Приют, дошло наконец. Так бывает в вольерах, если их неделю не убирать: псина, прелая подстилка, мокрая земля, а еще горелый жир, как от костра, на котором что-то жарили. Я открыла глаза.

Надо мной темнел свод пещеры, неровный, в ржавых потеках, с которых срывались капли и падали куда-то в солому. В нескольких шагах от моего лица торчали толстые черные прутья грубой ковки с бурыми пятнами окалины. Они уходили вверх и намертво врастали в стену. Я долго разглядывала их, не понимая, что вижу, и только когда приподнялась на локте и огляделась, до меня дошло. Это была клетка. Тесная, чуть выше моего роста, сваренная, наверное, для крупного зверя. Дверца ее была заперта на замок величиной с мою голову.

Я находилась в клетке на гнилой соломе, в своем старом халате, босая, с растрепанными волосами, и никак не могла заставить себя поверить, что это происходит на самом деле. Мне казалось, что стоит зажмуриться посильнее и досчитать до десяти, я окажусь у себя дома, в ванной, где задремала в остывшей воде, а все это окажется дурацким кошмаром. Я зажмурилась, досчитала и открыла глаза. Прутья никуда не делись.

За решеткой пещера уходила вдаль, теряясь в темноте, и

только в глубине ее дрожало рыжее пятно далекого костра, вокруг которого двигались неясные тени. Оттуда доносились грубые рычащие голоса, перебивавшие друг друга, и взрывы мужского хохота. Я снова понимала слова, хоть и не могла бы повторить ни звука. Они говорили о заказе, о плате, о том, что старшие вернутся к рассвету, и о девке, которую притащили в клетку. Девкой, поняла я с ужасом, называли меня.

Справа, высоко в скальной стене, зияла узкая щель, сквозь которую сочился бледный свет. Я подползла к ней по соломе, цепляясь за прутья, поднялась на дрожащие ноги и вытянулась на цыпочках, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть. В щели виднелось ночное небо, черное и бездонное, усыпанное такими крупными яркими звездами, каких никогда не бывает над городом. А посреди этого неба висели две луны.

Одна, большая и серебристо-белая, была похожа на нашу, только казалась ближе и больше. Вторая луна была поменьше, висела чуть в стороне и отливала темной ржавой медью, будто ее окунули в кровь. Свет от них смешивался на скалах в какой-то неправильный оттенок, ни на что не похожий, и все вокруг казалось нарисованным гуашью.

Сколько я так простояла, вцепившись в прутья, не знаю. Когда колени начали трястись, я сползла вниз, обхватила себя за плечи и наконец разревелась, беззвучно, зажав рот ладонью, чтобы у костра не услышали. Ладонь была грязная, в соломенной трухе, и труха лезла в зубы. Где-то далеко за сте-

нами долго и тоскливо завыл зверь. Ему отозвался второй, поближе, и у костра разом замолчали.

Потом послышались шаги. Тяжелые, они шли из темноты прямо ко мне. В рыжем отсвете костра выросла фигура, здоровая и сгорбленная, в руке у нее болтался фонарь с мутным закопченным стеклом. Свет упал ей на лицо, и я зажала рот обеими руками, чтобы не закричать. Лицо было мужское только наполовину. Нижняя челюсть торчала вперед, губы растягивались на желтых клыках, а нос, широкий и приплюснутый, будто так и не решил, становиться ему человеческим или остаться мордой. Он присел на корточки перед прутьями, поставил фонарь на землю и долго, бесстыдно разглядывал меня, склонив голову к плечу, задерживая взгляд то на разорванном вороте халата, то на голых коленях.

- Рыжая, - протянул он наконец с ленивым удовольствием, и от его голоса меня передернуло. - Тощая только. Ну ничего, до утра потерпит, а там поглядим, на что она годится, пока хозяева не вернулись.

Он просунул сквозь прутья грязную руку с толстыми когтистыми пальцами и потянулся к моей босой ступне. Я отдернула ногу и вжалась спиной в стену, но клетка была слишком тесной, отодвинуться дальше было некуда, и его пальцы почти коснулись моей кожи.

Из темноты за его спиной донесся рык. Низкий и утробный, отдающийся в позвоночнике. Мутант застыл, втянул голову в плечи и выдернул руку из клетки так поспешно, что

ободрал запястье.

Шаги, которые приближались с той же хищной уверенностью, с какой двигались в темном коридоре моей квартиры. И когда из глубины пещеры прямо на меня глянули два холодных огня, мое глупое предательское тело первым делом вспомнило жар чужой ладони у себя на животе, а испугаться я успела только потом.

Глава 2

Анмир

Акракс принимал гостей только после заката, и эту его причуду я презирал с первого же визита в Черный шпиль. Днем колдун был обычным смертным стариком с больной спиной, ночью превращался в нечто другое, и ему нравилось, чтобы это видели.

С полмесяца назад, он ждал меня на самой вершине башни. Стены там поросли сизой плесенью, свечи коптили зеленоватым огнем и оплывали прямо на пол, так что сапоги прилипали к воску, а по углам шуршало что-то многоногое, на что я старался не наступать. Сам Акракс сидел в кресле из корня болотного дуба, такой худой, что балахон висел на нем, как на палке огородного пугала. Длинные желтые пальцы перебирали четки из птичьих черепов, черепа щелкали друг о друга, и это щелканье раздражало меня сильнее всего остального. Белесые глаза без зрачков нашли меня сразу, едва я шагнул через порог, и я в который раз подумал, что видит он, наверное, сквозь шкуру и кости до самых потрохов. Хотя, может, и нет. Может, просто слепой и хорошо притворяется.

- Анмир из рода Серой Пасти, - прошелестел он. - Явился

вовремя, как всегда. А брат твой где?

- Эдар не любит твоих стен, - бросил я, отлепляя подошву от очередной восковой лужи. - От здешней мертвечины его мутит, а когда его мутит, он начинает торговаться ради самой торговли, и к утру мы бы так ни до чего и не договорились. Со мной выйдет быстрее.

Акракс улыбнулся. Вышло у него скверно, лицо давно разучилось это делать.

- Мне нужна девушка, - заговорил он без всяких любезностей, и за это я его даже немного уважал. - Из другого мира, где магия спит и разбудить ее некому. Рыжая, глаза цвета темного меда, и душа чистая, ни единого черного пятнышка. Таких там мало, я искал долго, но нашел и выследил. Доставишь ее целой, ни царапины, ни синяка, и чтобы ни один из твоих псов пальцем ее не тронул. Ритуалу нужна чистота, и если ее испортят, я узнаю.

Он протянул мне медальон на цепочке, темный диск с выпуклым знаком, от которого начинало резать глаза, стоило задержать на нем взгляд. Медальон оказался теплым, как живой, и в ладони шевельнулся слабым толчком, будто внутри сидел жук. Меня передернуло, и я понадеялся, что колдун этого не заметил.

- Он откроет проход и выведет к ней, - пояснил Акракс. - Обратно вас вытянет само.

- Ты знаешь мою цену, маг. - Я взвесил медальон, он оказался тяжелее, чем выглядел. - Мы с Эдаром не возим живой

товар через границы миров за горсть серебра. Врагов у нас для этого многовато, а терпения маловато, сам понимаешь.

- Знаю. - Он сощурился, и мне показалось, что свечи разом притухли, хотя, может, это был просто сквозняк. - Сундук золота, которого хватит, чтобы твоя стая не голодала до конца твоих дней. И ритуал, который выжжет из вашей крови Медную луну. Насовсем, Анмир, из тебя и из твоего брата.

Медная луна сидела в нашем роду столько, сколько помнили старики. Каждый раз, наливаясь, она поднималась над лесом ржавая и тяжелая, зверь внутри просыпался голодным и рвался наружу, и после каждого такого восхода человеческого в нас оставалось чуть меньше, на волос, но меньше. Отец продержался дольше других. Я помнил его на краю поляны в последнюю ночь, огромного, седого, уже наполовину обросшего шерстью, и в глазах у него еще теплилось что-то вроде прощания, или мне так хотелось думать: мне тогда было пятнадцать зим. Потом он ушел в чащу и человеком больше не вернулся. С тех пор я считал полнолуния, как скупец считает монеты: сколько осталось мне, сколько Эдару, и когда настанет утро, в которое я не вспомню собственного имени.

- По рукам, - выдохнул я и сжал медальон так, что края впились в ладонь. - Через десять ночей девушка будет у меня, а там и у тебя.

Задание выглядело до смешного простым. Мир без магии, люди без когтей, никакой охраны, хрупкая женщина в каменном улье, где тысячи таких же спят за тонкими стенками и в упор не видят, что творится у соседей. Я бы взял за такое вполовину меньше, а тут предлагали столько, сколько я и просить не смел. Я спускался по винтовой лестнице шпиля, и думал, что впервые держу в кулаке собственную жизнь. Ничто в этом раскладе меня не тревожило…

Когда я вышел из темноты, Бурый сидел у клетки на корточках и тянул лапу сквозь прутья. Одного рыка хватило, чтобы он отпрянул, но злость во мне только полезла выше, горячая и совершенно несоразмерная поводу, я сам этому удивился. Псы мои и раньше лапали пленниц, и я глядел на это с брезгливым равнодушием: товар сдавали целым, когда заказчик требовал, а остальное меня не касалось. Сейчас же у меня прямо скулы свело.

- Я велел к ней не подходить, - бросил я, остановившись от него в шаге, и он сжался, хотя весил на добрую половину больше меня. - Видно, решил, раз меня у костра нет, то и приказов моих нет. Еще раз увижу твою руку за прутьями, будешь ее с пола подбирать.

- Да я только глянуть, Анмир, - забормотал он, пятясь и прижимая к брюху ободранное запястье. - Ребята болтают, рыжая, никто таких не видал, вот и разобрало. Не тронул бы, луной клянусь.

- Луной не клянись, она тебе все равно не поверит. Сту-

пай к костру и передай остальным: кто подойдет к клетке без моего слова, до утра не доживет.

Он исчез так быстро, что фонарь, брошенный у прутьев, качнулся и едва не опрокинулся. Я поднял его и повесил на крюк в скале, и только тогда повернулся к ней.

Она забилась в дальний угол, где солома погуще, и глядела на меня оттуда огромными темными глазами, в каждом из которых дрожало по крошечному огоньку от фонаря. У наших женщин таких глаз не бывает, подумал я совсем не к месту. Цвет темного меда, тут колдун не соврал, только забыл упомянуть, что этот мед умеет гореть.

Я опустился на корточки там, где минуту назад сидел Бурый, солома еще хранила его вонь, и долго ее разглядывал, не говоря ни слова. Мне хотелось понять, что же я учуял тогда, в ее крошечной норе под крышей, когда прижал ее к стене и зверь во мне вдруг заткнулся.

Маленькая она была, вот что. Там, в темноте, разогретый погоней, под ворчание Эдара, я этого толком не разглядел, а теперь видел ясно и злился, сам не зная на кого. Запястья такие, что одной ладонью я обхватил бы оба сразу, ступни босые и синие от холода. Халат из мягкой выцветшей ткани был порван на плече, и в прорехе белела кожа, вся в мелких рыжих веснушках, будто на нее брызнули медью с кончика кисти. Волосы высохли и легли на плечи спутанными завитками, и при фонаре казалось, что в них тлеют угли. Я даже подумал на миг, глупость какая, что если дотронуться, обо-

жжешься.

Не для этого места ее делали. Драться она не умела, и даже бояться по-звериному, сжавшись в комок и оскалившись, у нее не выходило: просто сидела и глядела, и вся ее беззащитность лежала передо мной как на ладони. А я, который брал заказы на убийство и ни разу не терял из-за них сна, вдруг почувствовал раздражение, колючее, как репей. Хотелось ударить колдуна, который ее выбрал, а заодно и себя, хотя в этом я признался себе не сразу.

- Где я? - Голос у нее сорвался на первом же слове, но она упрямо его выровняла. - Кто вы такие и почему у вас в небе две луны? Я вашего языка не знаю, а слышу каждое слово, и от этого еще страшнее, понимаете вы это или нет? Верните меня домой. У меня там собаки, меня ждут, меня искать будут!

- Зря надеешься, - уронил я, и она дернулась, будто от пощечины. - Дороги сюда в твоем мире никто не знает. А языки здесь понимают все, кто прошел через проход: медальон вплетает чужую речь прямо в голову, чтобы товар не бился в истерике от непонятных звуков. Удобно, - я подумал и добавил: - для всех, кроме самого товара.

- Это ты сейчас про меня? - прошептала она. - Я для тебя товар?

- Я называю вещи своими именами, рыжая. Тебя заказали, и скоро за тобой придут с золотом, вот и вся история.

Она замолчала. Я ждал слез и мольбы, всего, чего наслу-

шался от пленников за годы и что давно перестало меня трогать. Слез не было. Она только сильнее стиснула колени и задрала подбородок, а в медовых глазах вспыхнуло что-то острое и злое. Тогда я и сунул руку сквозь прутья.

Зачем, я и сам не понимал. Может, хотел проверить, повторится ли то, что было в ее квартире, а может, зверю просто захотелось потрогать то, что он уже числил своим. Она шарахнулась, приложилась затылком о скалу и зашипела от боли, а я замер с вытянутой рукой и так и держал ее, не убирая, как держат руку перед пугливой лошадью, пока у меня не заныло плечо.

Долго мы так глядели друг на друга, она загнанно и зло, я выжидающе. Потом плечи у нее чуть опустились, и я поймал огненный завиток, упавший ей на грудь, и пропустил его между пальцами. Прядь оказалась мягкой, как шелк с южных базаров. Я потер ее пальцами, вдохнул, и в груди вдруг стало пусто и легко, будто кто-то снял с нее мешок с камнями, который я таскал так долго, что перестал замечать.

Зверь замолчал. Все время, пока прибывала Медная луна, он ворочался и ворчал за ребрами, требовал крови и драки, и я к этому ворчанию привык, как привыкают к реке, живя на берегу. И вот оно стихло. Зверь улегся, положил морду на лапы и, кажется, слушал вместе со мной, как она прерывисто дышит. Такого со мной не случалось ни разу с той ночи, когда отец ушел в лес.

Я отпустил прядь и тронул ее подбородок, приподнимая лицо к свету. Кожа под пальцами горела, хотя в пещере зуб на зуб не попадал, а на шее колотилась жилка, часто-часто, я видел ее даже без прикосновения. Она не отстранилась. Губы приоткрылись, дыхание сбилось, и я с изумлением понял, что дело уже не только в страхе. Тело ее откликалось на мою руку так же, как там, у стены, и сама она это чувствовала и ненавидела себя: ресницы дрогнули как-то по-особенному зло, так дрожат они у волчиц, когда их загоняют.

Внутри поднялось темное и горячее, на привычный голод зверя ничуть не похожее. Захотелось сунуть в клетку вторую руку, обхватить ее затылок, притянуть к прутьям и попробовать эти приоткрытые губы, такие же они мягкие, как волосы, или нет. Пальцы сами поползли ниже, по шее, к краю разорванного халата, и тут я отдернул руку так резко, что ободрал запястье о прутья, в точности как Бурый, и это было даже смешно.

Целой, без единого синяка, и чтобы никто не касался, повторял я про себя слова колдуна, а за ними золото и свободу от Медной луны, мою жизнь и жизнь брата. Повторял, пока жжение в ладони не стало просто жжением.

- Кто ты? - выдохнула она, прижимая ладонь к шее, туда, где только что были мои пальцы. - Почему у тебя глаза светятся? И почему, когда ты рядом, ноги у меня становятся ватными, будто я пьяная, я ведь тебя до смерти боюсь!

Она сама испугалась сказанного и закусила губу так, что

та побелела.

- Я тот, кто тебя забрал, - бросил я, поднимаясь во весь рост, и пришлось пригнуть голову под выступом скалы, о который я в свое время не раз бился лбом. - Больше тебе знать незачем. Спи, если получится, никто тебя не тронет, об этом я позабочусь.

Я снял с крюка фонарь и унес его с собой, оставив ее в темноте. Мелочно и жестоко, я и сам это понимал, но мне нужно было, чтобы эти медовые глаза перестали на меня глядеть.

Ночь я просидел на выступе над входом в логово, откуда была видна вся долина до самого края Мертвых топей. Ветер трепал полы плаща и швырял в лицо морось, внизу у костров переругивались псы, кто-то проиграл кому-то нож и не желал отдавать, на склоне тявкала лиса. Над лесом поднималась Медная луна, еще неполная, с темным краем, но уже тяжелая и ржавая, и от нее у меня с юности ныли зубы, левый верхний клык особенно. Я ждал, что под ее светом зверь проснется, как просыпался всегда. Он спал.

Я сидел на мокрой скале, глядел на ржавый диск и чувствовал внутри покой, такой непривычный, что становилось не по себе. Ладонь все еще помнила тепло ее кожи. И чем дольше я об этом думал, тем яснее понимал, что с заказом Акракса что-то нечисто. Колдун ни словом не обмолвился, что девушка может унять зверя. Значит, он или не знал, или промолчал нарочно, и второе нравилось мне куда меньше.

Утром, решил я, отправлю гонца к Черному шпилю, получу золото, отдам девчонку и забуду о ней, как забывал всех, кого возил до нее. Это обещание я повторял себе, пока оно не зазвучало почти убедительно.

Перед рассветом с дальнего края долины донесся вой. Его я узнал сразу. Эдар возвращался с охоты, на которую сорвался, едва мы бросили рыжую в клетку: ему не терпелось добить старый заказ на караванщиков у Сухого брода. Вой был сытым и торжествующим, в нем звенела свежая кровь. С крови брат всегда возвращался голодным до другого, и голод этот злел тем сильнее, чем ближе подбиралась Медная луна. Ветер дул от логова прямо ему навстречу, и я понял, что Эдар ее уже учуял.

Глава 3

Эдар

Кровь в волосах засыхала быстрее, чем на руках, и потом отдиралась вместе с прядями. Это я усвоил еще подростком и с тех пор, возвращаясь с охоты, первым делом лез в воду с головой, а уже потом думал обо всем остальном. Поэтому у Сухого брода, едва мы спихнули в овраг последнего караванного охранника, закапывать было лень, да и некогда, я первым делом полез в ручей. Вода была ледяная, с рыжей глинистой мутью, и я долго тер затылок, пока из-под пальцев не перестало течь розовым.

Охранник, кстати, попался хороший. Крепкий усатый мужик с топором на длинной рукояти, он единственный не побежал, когда мы вышли из тумана, а прижался спиной к телеге и ждал. Даже успел зацепить меня по ребрам, пустяк, царапина, к вечеру затянется, но все равно приятно. Я любил, когда дрались. Когда бегут, это скучно, все равно что гоняться за курами по двору, а этот держался долго, хрипел, ругался на трех языках сразу... вернее, на двух, третий был просто лай, но звучало красиво. Купец, который их нанял, откупился бы, наверное, если б успел, только заказчик платил за то, чтобы до города никто из каравана не дошел, и мы отработали честно. Из купеческого сундука я прихватил себе шарф винного цвета, тонкий, как паутина. На кой он мне

сдался, я не думал, просто сунул за пазуху, и теперь шарф намок и лип к животу. Анмир бы скривился. Брат вообще кривился на половину того, что я делал, а на вторую половину делал вид, что не замечает, и за годы мы оба к этому приноровились.

Ветер переменился, когда я уже натягивал одежду. Дул он с гор, со стороны логова, и сначала принес обычное: дым наших костров, конский навоз, кислую брагу, которую Бурый прятал под камнем у входа, уверенный, что о его тайнике никто не знает. А потом среди всего этого проскользнула тонкая нить чего-то такого, что я замер с рубахой на голове, одна рука в рукаве, вторая наружу, дурак дураком.

Тянуло теплым живым духом, человеческим, только чужим, со сладкой ноткой, как у подогретого молока с медом. А под ним прятался страх. Страх я различал за версту, у него особый привкус, острый, металлический, он оседал на языке, и от него у меня во рту всегда собиралась слюна.

Рыжая, понял я. Та самая, которую мы с братом вынули из ее норы под крышей. Я ее толком и не разглядел: Анмир выставил меня в коридор, а сам возился с ней у стены, и возился, судя по всему, с удовольствием, я это уловил даже оттуда и отпустил пару шуточек, на которые он не ответил. Потом она обмякла, и я тащил ее вниз по лестнице, пока брат прятал медальон. Все, что запомнил, это мокрые волосы, которые лезли мне в лицо, и босые пятки, которые колотили меня по бедру.

Зверь внутри поднял голову. Медная луна подбиралась к полноте - последние ночи он вообще не ложился, кружил во мне, как в загоне, а на этот новый дух отозвался так, что меня пробрало дрожью от затылка до пяток. Я рванул вверх по склону, даже не застегнув пояс. К логову я добрался, когда солнце уже вылезло из-за Мертвых топей, бледное и мокрое, как недоваренный желток. У костра сидел с десяток наших: кто дремал, кто доедал вчерашнюю баранину, а Бурый баюкал перевязанное грязной тряпкой запястье и при виде меня сразу заныл, как побитый щенок.

- Эдар! Наконец-то. Хоть ты скажи брату, что так нельзя, я ж только глянуть хотел, а он мне чуть руку не оторвал.

- Жаль, что не оторвал, - хмыкнул я, на ходу отдирая от бараньей ноги кусок пожирнее. - Меньше было бы нытья у костра. Где он сам?

- Ушел к Гнилому мосту встречать гонца от колдуна, - отозвался Клык с другой стороны огня. Клык у нас был самый языкастый, с половиной уха, вторую ему откусили лет пять назад в драке за девку на ярмарке, и с тех пор он стал еще злее и еще болтливее. - До заката, сказал, не вернется, а то и позже, топь там разлилась. И велел передать, чтобы к клетке никто не подходил. Тебе тоже, - Клык ухмыльнулся, - это он особо подчеркнул.

Я перестал жевать.

- Это еще с какой радости? - Мясо стало поперек горла, и я сплюнул хрящ в огонь, тот зашипел. - Он что, совсем голову

потерял со своим колдуном? Это я ее тащил по лестнице, пока он медальоном своим любовался, у меня на рукаве до сих пор ее рыжий волос висит, вот, полюбуйся.

- Так ты ж его знаешь, - Клык пожал плечами. - Хотя, по правде, ребята недовольны. Притащили девку, какой тут отродясь не видывали, а нам на нее и поглядеть нельзя, сиди у костра, как монах в посту.

- Сиди и не скули. - Я вытер жирные пальцы о штаны и двинулся вглубь пещеры. - Мне можно. Я ему брат, с меня он спросит иначе.

Чем дальше я уходил от костра, тем гуще становился ее след, и к клетке я подошел, уже чувствуя на языке ту самую металлическую горечь. Боялась она отчаянно. Так боятся зайцы в силке, когда слышат шаги и понимают, что дергаться бесполезно. От этой мысли у меня по спине пошла горячая волна, знакомая и сладкая, ради нее я, если уж честно, и любил свою работу.

Она не спала. Сидела в углу, подобрав ноги, в каком-то драном голубом балахоне, и, когда я вынырнул из темноты, вздрогнула всем телом, но глаз не отвела. Карие, темные, как крепкий взвар, и припухшие: ревела, видать, полночи. Я опустился на корточки перед прутьями, уперся локтями в колени и принялся разглядывать ее не торопясь, как разглядывают кобылу на ярмарке перед покупкой, от копыт до гривы.

Брат не соврал, хотя он вообще никогда не врал, скучный

он у меня. Рыжая она была так, что глазам больно, волосы спутанные, а все равно горят. Шея длинная и белая, и на ней бьется жилка, видно даже в полумраке. Балахон съехал с плеча, плечо было в веснушках, а пониже, там, где ткань разошлась, угадывалось начало груди, маленькой и высокой, и от этого вида у меня во рту окончательно пересохло. Ноги голые, коленки ободраны, на одной ступне свежая царапина, а пальцы на ногах поджаты от холода и посинели.

- Ну здравствуй, добыча, - протянул я, улыбаясь во весь рот. - Брат держал тебя у стены, а мне пришлось тащить твои пятки по лестнице, так что мы с тобой, считай, почти родня.

Она молчала.

- Язык проглотила? Зря. Брат говорил, у тебя есть зубы, мне бы хотелось на них поглядеть, пока колдун не забрал.

- Это ты был в коридоре, - выговорила она наконец хрипло, будто давно не пила. - С желтыми глазами. Я помню, как ты смеялся, пока твой брат держал меня у стены, ты еще про соседей шутил.

- Каюсь, было дело, - согласился я легко. - Шутки у меня, говорят, дрянные, но других нет. Зато я тебя у стены не держал, это все он, так что злись на него, а со мной давай дружить.

Я просунул руку между прутьями, нарочно не спеша, чтобы она видела, и сомкнул пальцы на ее щиколотке раньше, чем она успела отдернуть ногу. Кожа оказалась ледяной, а под ней колотилось быстро-быстро, как у пойманной птицы.

Она дернулась, я не отпустил. Потянул на себя, совсем чуть-чуть, и она проехала по соломе на ладонь ближе, ахнула и вцепилась пальцами в прутья за спиной. Страх ударил мне в ноздри так густо, что потемнело в глазах, и зверь внутри радостно взвился и заскреб когтями, требуя еще.

Я повел ладонью выше, по икре, по нежной коже под коленом, где она была теплее, и почувствовал, как под пальцами пробежала дрожь. Дрожь была уже какая-то другая, тягучая, у нее сбилось дыхание, а щеки вспыхнули таким румянцем, что его было видно даже в полутьме. Ага, подумал я и ухмыльнулся еще шире. Значит, и с братом у стены было так же, вот почему он оттуда вылез с таким лицом, будто его огрели по затылку.

- Пусти, - прошипела она, - пусти немедленно, иначе я за себя не ручаюсь!

- А дальше что, укусишь? - Я подался ближе к прутьям. - Давай, рыжая, я разрешаю.

Она и ударила, свободной ногой, пяткой, прямо мне в запястье, со всей силой, сколько ее нашлось в таком тощем теле. Больно не было, но от неожиданности я разжал пальцы, и она тут же отползла обратно в угол. Дышала часто и шумно и сверкала оттуда глазами, как кошка, загнанная на забор. Я расхохотался. Давно мне не было так весело, честное слово.

И вот тут, отсмеявшись, я заметил странное. Зверь, который только что рвался к ней и драл меня когтями изнутри, вдруг сник, улегся, как пес у очага, и даже заурчал, если зве-

ри вообще урчат, я до того утра думал, что нет. Медная луна подходила к полноте, оставалось всего несколько ночей, и в это время он всегда бывал злой, как шершень, а тут разомлел от одного ее вида. Мне это не понравилось. Его ярость была моей, я на ней жил, она гнала меня в драку и вытаскивала из любой передряги, и без нее мне вдруг сделалось пусто и неуютно. Я поднялся, отряхнул колени от соломенной трухи и уже повернулся уходить, когда пальцы сами нашарили за пазухой мокрый шелк. Вытащить шарф и бросить ей через прутья, чтобы прикрыла плечо, было делом одного мгновения, и рука даже дернулась. Я сунул его обратно, поглубже, и выругался про себя такими словами, что покраснел бы даже Клык.

- Отдыхай, добыча, - бросил я через плечо. - День впереди длинный, а ночь еще длиннее.

У костра меня ждали Клык, Бурый и еще с полдюжины самых горластых, и по их рожам я сразу понял, что, пока меня не было, они успели о чем-то сговориться. Клык подвинулся на бревне, освобождая мне место, и ухмыльнулся так широко, что стало видно дыру на месте верхнего клыка, за которую его, собственно, так и прозвали.

- Ну что, хороша?

Отвечать я не стал. Опустился на бревно рядом, забрал у кого-то кружку с брагой и отпил. Брага была кислая и теплая, гадость редкостная, но после ручья хоть немного согревала.

- Мы тут покумекали, пока тебя ждали, - Клык понизил

голос, хотя Анмира в пещере не было и подслушивать нас могли разве что летучие мыши под сводом. - Колдун требует целую. Ладно. Но как он это проверять станет? Чистая душа, он же про душу толкует, тело-то тут при чем?

- Синяков ни одного не будет, - подхватил Бурый, баюкая перевязанную руку. - Мы аккуратно. Пока Анмир у Гнилого моста торчит, вынем ее разок из клетки, развлечемся по-тихому и обратно посадим, будто и не трогали. А тебе, Эдар, первому, ты ж брат, все по чести.

Кто-то загоготал, кто-то одобрительно заворчал. Клык подался ко мне, обдав кислой брагой и гнилым зубом.

- Сам видал, как Анмир ночью от клетки шел, глаза как у пьяного. Ему, выходит, можно на нее облизываться, а нам нельзя? Ты-то сам что думаешь, брат старшего?

Я молчал. Брага кисла во рту, и внутри у меня ворочалось сразу все, разобраться в этом я не мог, как ни пытался. Приказы брата всегда стояли мне поперек горла, а уж переданные через Бурого тем более, и дразнить Анмира я любил больше, чем пить. Еще вчера я бы, наверное, только расхохотался и пошел первым. А сегодня, стоило мне представить, как Клык своими лапищами тащит ее из клетки за эти рыжие волосы, у меня сводило челюсти. Отчего так, я понять не мог, и это злило сильнее всего остального.

- Как стемнеет, - Клык хлопнул меня по плечу, - пока Анмир не вернулся. Ну? Ты с нами?

Я поднял глаза поверх их голов, туда, в глубину пещеры,

где в полумраке чернела клетка. Она стояла у самых прутьев, вцепившись в них обеими руками, бледная до синевы, и было ясно, что она слышала каждое слово. Глядела она прямо на меня, на одного меня, будто никого больше у этого костра и не было, и ждала, что я отвечу. А я молчал. И Клык, ухмыльнувшись, принял мое молчание за согласие.

Глава 4

Алина

Воду мне принесли позднее, когда я уже перестала понимать, хочу я пить или просто разучилась глотать. Язык прилип к небу, губы потрескались, и, когда я облизывала их, во рту оставался солоноватый привкус крови. Сколько прошло времени с той минуты, как желтоглазый ушел от клетки и долго, лениво хохотал у костра, я не знала. Солнце сюда не заглядывало. Только в щели под сводом серое небо постепенно светлело, и по нему ползли облака, тяжелые, с синеватым подбрюшьем, совсем как у нас перед снегом.

Принес воду тощий парень с длинными, какими-то бесконечными руками и носом, свернутым набок, на вид моложе меня, хотя тут, наверное, и не разберешь, кому сколько. Он присел у дверцы, отодвинул внизу маленькую задвижку, которую я до сих пор не заметила, и просунул в щель глиняную миску с отбитым краем, а следом ломоть серого хлеба с отрубями, твердый, как подошва. Глаза он прятал, но исподлобья все равно косился на мои ноги и на разорванный халат, и уши у него при этом наливались малиновым, как у школьника.

Я схватила миску обеими руками и выпила все залпом, так что половина пролилась на подбородок и за ворот. Вода

отдавала железом, наверное, ее черпали ржавым ведром, но вкуснее воды я в жизни не пила, даже из родника у бабушки на даче.

- Пожалуйста, - выдохнула я, когда он уже начал подниматься, и вцепилась в прутья, - скажи хоть что-нибудь. Куда меня повезут, что со мной сделают? Ты же меня понимаешь, я вижу, что понимаешь, у тебя уши краснеют каждый раз, когда я говорю!

Он замер на полпути и глянул на меня, быстро, всего на мгновение, и я успела заметить, что глаза у него серые, совсем человеческие, без желтого отлива. Потом он мотнул головой, прижал палец к губам и кивнул в сторону костра.

- Ольх, ты там что любезничаешь? - гаркнул от огня Клык, тот, что с половиной уха, и остальные загоготали. - Гляди, как бы колдун тебе за нее нос обратно не выпрямил, кривой!

Ольх ссутулился, втянул голову в плечи и ушел, ни разу не обернувшись. Я осталась сидеть с пустой миской в руках, и почему-то именно это, его сгорбленная спина и палец у губ, напугало меня сильнее всего, что я успела увидеть до того. Если даже свои здесь боялись лишний раз открыть рот, то на что вообще было надеяться мне. Хлеб я грызла, отламывая крошечные кусочки, потому что жевать было больно, а выбрасывать нельзя: неизвестно, дадут ли еще.

Сначала я услышала, как у входа в пещеру заскрежетало по камню, будто тащили что-то тяжелое, потом у костра одобрительно загомонили. В рыжий круг света ввалился

зверь, серый, лохматый, с темной полосой вдоль спины, ростом с хорошего теленка, и в зубах у него болтался олень с запрокинутой головой. Морда у волка до самых глаз была перемазана красным. Он бросил тушу у огня, встряхнулся так, что брызги полетели во все стороны и зашипели на углях, и потянулся, вытягивая передние лапы, совсем как Барон по утрам. А потом его начало ломать.

Я не сразу поняла, что вижу. Сначала мне показалось, что волк заболел: его скрутило дугой, бока заходили ходуном, и откуда-то изнутри раздался хруст, сухой и громкий, как когда ломаешь об колено толстую ветку, а потом еще и еще. Лапы вытягивались, пальцы на них расползались и удлинялись, когти втягивались внутрь с влажным чмоканьем, шерсть лезла клочьями и не падала, а словно уходила обратно в кожу. Морда сминалась, укорачивалась, челюсть с хрустом вправлялась сама в себя... Я зажала рот ладонью. Через минуту, на месте волка стоял на четвереньках голый мужик, жилистый, весь в серой волосне, и тяжело дышал, сплевывая на землю розовую слюну.

- Хорош олень, - прохрипел он и вытер рот тыльной стороной ладони, размазав кровь по щеке. - Жирный. А рыжая наша как, жива еще?

- Жива, - Клык ухмыльнулся и мотнул головой в мою сторону. - Вон глазищами хлопает, видал? Небось у себя в мире такого не видывала.

Они все повернулись ко мне, разом, как одна стая, и в полумраке загорелся десяток пар глаз, желтых и болотно-зеленых. Я отпрянула от прутьев, но поздно: они уже заметили, что я на них таращилась, и это их развеселило так, будто я специально для них устроила представление.

- Иди сюда, рыжая, не бойся! - крикнул кто-то. - Мы тебе ляжку оленью дадим, сырую, хочешь?

- Да она такое не жрет, - фыркнул голый, натягивая штаны, которые ему бросили. - Они там у себя, говорят, мясо в огне сжигают до угля, а потом едят. Дикие люди.

Хохот прокатился по пещере, отразился от стен и вернулся эхом. Я забилась в угол, обхватила колени и уткнулась в них лицом, но уши заткнуть не могла. Да и не помогло бы. Их голоса проникали прямо в голову, вплетал каждое слово в мой разум, и не слушать я не могла, хоть бы и очень хотела.

Они говорили обо мне. Долго, со вкусом, как говорят о еде или о лошади. Обсуждали, какая я на ощупь, тощая или в самый раз, каким цветом у меня волосы там, где их не видно, и тут кто-то так загоготал, что подавился и закашлялся. Спорили, кто будет первым. Клык настаивал, что Эдар, раз уж он брат старшего. а тот, что из волка превратился, ворчал, что Эдар может и передумать.

- Не передумает, - отрезал Клык. - Он промолчал. Сам слыхал, все слыхали. А раз промолчал, значит, согласен, Эдар никогда не молчит, если против.

Потом заговорили о колдуне. Вот тогда мне стало по-на-

стоящему страшно. До этого был ужас, бессмысленный, от которого сводило желудок, а тут пришел страх другого сорта, холодный и ясный, и он поселился где-то под ребрами и уже не уходил.

- У Акракса в подвале, говорят, девки висят, - бубнил кто-то, обгрызая оленье ребро. - На крюках, сушеные, как рыба на солнце. Мой дядька в шпиль мешки с солью таскал, так он видел, своими глазами.

- Брешет твой дядька, - лениво отозвался Клык. - Колдуну тело без надобности. Ему душа нужна, он ее вынет, а остальное выбросит в топь, на корм болотникам. Из шпиля еще никто живым не выходил, ни девки, ни мужики, я двадцать лет тут живу, ни одного не помню.

- А на что ему душа-то?

- А мне почем знать? Может, в банку закатает и будет на полке держать, любоваться. Колдуны, они чокнутые все до одного.

Банка на полке. Я почему-то вцепилась именно в эту мысль и никак не могла от нее отделаться: стеклянная банка с притертой крышкой, внутри что-то светлое, вроде тумана, и на боку кривая этикетка, написанная от руки.

Кто-то рыгнул так, что эхо пошло по своду, кто-то еще долго обсасывал кость, причмокивая, а потом они начали задремывать прямо там, вповалку у огня, кто на спине, кто носом в чужой бок. Голый, тот, что из волка, захрапел с при-

свистом, точь-в-точь как дядя Витя у меня за стенкой. Вот тогда я и полезла искать выход. Зачем, я и сама толком не понимала. Просто сидеть я больше не могла, вот и все объяснение. Руки ходили ходуном, коленки тоже, и хотелось хоть что-то делать, хоть стену ногтем ковырять.

Солому в углу я перебрала до последней былинки, на ощупь, в потемках, и у самой скалы нашлась кость, желтая, старая, с одного конца изгрызенная и легкая, будто пустая. Чья, думать было нельзя. В приюте я так же не думала, откуда у очередного пса перебитый хвост, просто брала и мазала зеленкой. Я просунула кость сквозь прутья, нащупала замок, ткнула в скважину, промахнулась, ткнула снова. Скважина оказалась огромная, туда пролез бы мой палец целиком, а внутри что-то цеплялось, щелкало, вроде бы поддавалось и соскакивало обратно, раз за разом, а храп у костра все тянулся с тем же присвистом.

Ковыряла я долго, высунув язык, как в детстве над прописями, мама вечно за это ругалась. Кость хрустнула. Обломок остался внутри, а у меня в руке торчал жалкий огрызок с острым краем, которым я сразу же оцарапала ладонь.

Ладно, оставались прутья. Висеть на них всем весом было бесполезно, это я поняла с первой же попытки: даже не дрогнули, только с одного осыпалась хлопьями ржавчина и попала мне в глаз. У самой стены, между двумя крайними, щель показалась мне шире. Сначала пролезла рука. Потом, если вывернуть шею так, что хрустнуло где-то за ухом, про-

лезла и голова, ухо я ободрала, а плечо пришлось протискивать боком, и кожа с него сошла вместе с остатками рукава. А дальше были бедра. На бедрах я и застряла, наполовину на свободе, наполовину в клетке, в задравшемся до пояса халате, и мысль у меня в ту минуту была одна, совершенно идиотская: хорошо, что Галина Петровна не видит. Выбиралась я обратно целую вечность, всхлипывала и шипела сквозь зубы и каждую секунду ждала, что кто-нибудь у костра поднимет голову. Никто не проснулся.

Я сидела потом, и разглядывала свои руки. Ноготь на указательном был сломан до мяса, ладони в черной грязи и соломенной трухе, на запястье тянулась длинная ссадина. Мне было даже не больно. Слез не было, кончились еще ночью, и вместо них внутри разливалась вязкая серая усталость, в которой тонуло все, даже страх.

В воскресенье позвонит мама. Набирать будет после своего сериала, как всегда, в начале девятого, и будет долго слушать гудки, а потом наберет еще раз, и в понедельник позвонит Галине Петровне, а Галина Петровна скажет, что я не вышла на работу, и Барон, наверное, опять будет кидаться на сетку, потому что никто не принесет ему курицу... Нет. Про Барона нельзя. Я зажмурилась так, что под веками поплыли цветные пятна, и запретила себе думать о нем. И тогда в голову полезло другое.

Сначала ладонь, широкая и горячая, на моем голом животе. Пальцы скользнули ниже, раздвинули полы халата и легли

прямо между бедер. Они раздвинул складки и начал тереть жестко, круговыми движениями, пока я не стала мокрой. Потом ввел два пальца сразу, резко, до основания, и задвигал ими, большим пальцем, не отпуская набухший комочек. Я пыталась свести ноги - он только сильнее вдавливал меня в стену бедром, и твердое достоинство упиралось мне в ягодицу. А после - рука младшего. Он схватил меня за щиколотку, раздвинул ноги и просунул ладонь прямо к промежности…

Мне стало жарко. Это было так нелепо, так стыдно и противоестественно, сидеть в клетке, ждать смерти и представлять, как меня насильно довели до оргазма чужие руки. Я впилась ногтями себе в бедро сквозь халат, до синяков, лишь бы прекратить.

К вечеру стая проснулась. Под сводом в щели небо потемнело и налилось густой синевой, и в этой синеве рядом с серебряной выползла медная луна, ржавая и тяжелая, почти полная, только с одного бока чуть надкушенная темнотой. Свет ее упал в пещеру, и я увидела, как у костра один за другим поднимают головы. Они словно принюхивались к чему-то, ерзали, огрызались друг на друга без причины. Кто-то вдруг завыл, коротко и тоскливо, и ему ответили сразу несколько голосов, и от этого воя у меня зашевелились волосы на затылке.

Клык поднялся первым. Он пригладил мокрой пятерней волосы и долго, старательно скоблил щеку ножом, глядясь в лезвие, как в зеркало. Наряжался, поняла я. Как жених.

Меня затошнило так, что пришлось сглотнуть несколько раз подряд.

Бурый, тот, кому старший чуть не оторвал руку, снял с гвоздя у входа связку ключей, большую, ржавую, с кольцом размером с браслет, поднял ее над головой и побренчал, и стая загоготала, одобрительно, предвкушающе, переглядываясь и подталкивая друг друга локтями.

Ольх стоял у дальней стены, в тени, и не сводил с меня глаз. Потом вдруг отвернулся, скользнул вдоль стены к выходу и пропал в темноте, и я так и не понял, сбежал он, чтобы не видеть, или зачем-то еще.

Бурый уже шел к клетке, позвякивая ключами, Клык шагал рядом, ухмыляясь своей дырявой ухмылкой, а за ними, на расстоянии, тянулись остальные.

- Ну что, рыжая, - протянул Клык, присаживаясь на корточки у прутьев, - заждалась?

Ключ вошел в замок, скрежетнул о застрявший обломок кости и с натугой, со скрипом начал проворачиваться.

Глава 5

Эдар

На выступе над водопадом было скользко, я дважды чуть не сорвался, пока туда лез, а зачем вообще полез, объяснить не смог бы даже самому себе. Вода внизу ревела и пенилась на камнях, брызги долетали до лица, и от них щипало ссадину на ребрах, ту, что оставил мне усатый охранник у Сухого брода. Над лесом висела Медная луна, почти полная, и зверь под ее светом должен был рвать меня изнутри, а он лежал тихонько и только иногда поднимал уши, будто прислушивался к чему-то, что было там, в пещере, за моей спиной.

Я швырял в воду камни. Набрал горсть щебня с выступа и кидал по одному, целясь в черный валун посреди потока, и ни разу не попал, хотя обычно с такого расстояния сбивал белку с ветки. Руки не слушались. Голова тоже.

Пусть делают, что хотят, думал я и бросал очередной камень мимо. Она товар. Колдун заплатит, брат получит свою свободу от луны, я получу свою, а что там Клык с Бурым сотворят с ней до того, как ее увезут, меня не касается, я таких девок перевидал... Тут я соврал себе и сам это заметил. Таких я не видел ни разу. Таких, которые, сидя в клетке, полуголые, синие от холода, бьют тебя пяткой по запястью, а потом глядят через всю пещеру так, будто ты им что-то должен.сШарф за пазухой шуршал, когда я двигался. Я выта-

щил его, повертел в пальцах, винный, тонкий, пропитавшийся моим потом, и сунул обратно, разозлившись неизвестно на кого.

Шаги за спиной я услышал поздно, слишком уж ревела вода. Обернулся, уже выпуская когти, и чуть не снес голову Ольху. Тощий щенок стоял на краю выступа, весь мокрый от брызг, грудь у него ходила ходуном, будто он бежал от самого логова без остановки, а глаза были круглые, как плошки.

- Чего тебе? - рявкнул я. - Я велел меня не искать, или ты оглох?

- Клетку открывают, - выдохнул он. За все годы, что Ольх прибился к стае, я слышал от него, наверное, слов двадцать, а сейчас он выдавил из себя целую речь, захлебываясь и глотая окончания. - Клык с Бурым. Ключи сняли. Она там одна, Эдар, а их много, и они уже идут.

Как я слетел с выступа, в памяти не осталось, хоть убей. Был камень в руке, а потом сразу земля под лапами, хвоя, кусты, ветка хлестнула по морде, и я даже не понял, когда успел перекинуться. Зверь вскочил во мне и рванул, как пес, которого спустили с цепи, а я только и успевал держаться за него изнутри. Ольх отстал почти сразу. Я слышал, как он топочет где-то позади и спотыкается, бедолага: на двух ногах за мной не угнаться.

В пещеру я влетел, когда Клык уже тащил ее из клетки за волосы. Наполовину он ее вытянул. Голова и плечи были

снаружи, остальное еще за прутьями, она упиралась в них ладонями, шея запрокинута так, что я, честно, на миг подумал, сейчас хрустнет, и при этом молчала, только хрипела сквозь зубы, как собака, которую душат ошейником. За щиколотки ее держал Бурый, присев на корточки, тянул одной рукой, а вторую, перевязанную, прижимал к пузу. Вокруг толпились остальные, с десяток, не меньше, кто ржал, кто подзуживал, а Хорь, мелкий такой, вечно сопливый, уже тянул через голову рубаху и застрял в вороте. У Клыка по щеке шли свежие царапины, от виска до самого подбородка, и кровь капала с челюсти ему на грудь. Меня это обрадовало, вот правда. Даже сквозь всю муть, что стояла в голове, обрадовало: достала-таки его рыжая.

Перекинулся я обратно только наполовину, и то не сам. Зверь решил, где ему остановиться, и остановился на середине, так у нас бывает только в самой поганой драке: руки уже человечьи, но с когтями, во рту клыки, по хребту шерсть дыбом, а голос такой, что я его потом сам боялся вспоминать.

Клык успел обернуться, это я ему потом засчитал. Он даже начал что-то говорить, открыл рот, и в этот открытый рот я и всадил кулак, а следом подхватил его за пояс и швырнул через всю пещеру в костер. Он рухнул на край огня, взметнув сноп искр, и заверещал тонко, совсем по-бабьи, катаясь по земле и сбивая пламя с затлевшей на спине одежде. Волосы у него трещали и вились дымом. Бурый выпустил ее ноги и

попятился, выставив перед собой здоровую руку, а больную, с тряпкой на запястье, прижимая к брюху.

- Эдар, Эдар, погоди, - забормотал он, отступая, - ты ж сам промолчал, мы ж думали, ты с нами, мы тебе первому оставляли, по чести...

Я перехватил его за больное запястье. Не нарочно, просто оно оказалось ближе, и сжал. Кость хрустнула под пальцами, Бурый взвыл, рухнул на колени и уткнулся лбом в землю, захлебываясь скулежом.

Остальные отступили сами. Стояли полукругом, прижав уши, а Хорь так и замер, запутавшись в рукавах. Я развернулся к ним, оскалившись, и голос, вырвавшийся у меня из груди, был больше похож на рык, чем на слова.

- Она наша! - Эхо ударило в своды и покатилось по пещере. - Моя и брата! Кто еще раз сунется к ней без нашего слова, тому я выдеру хребет через глотку, и мне плевать, сколько лет он со мной ходил на дело. Все поняли или кому-то объяснить отдельно?

Объяснять не пришлось никому. Даже Клык, дымящийся, с обгоревшей бровью, отполз от костра и сидел теперь у стены, держась за челюсть и глядя в землю. Только тогда я повернулся к ней. Она лежала на земле, наполовину высунувшись из клетки, там, где ее бросили. Халат на ней был разорван от ворота почти до пояса, плечо в крови, ссадина длинная, волосы спутаны и полны соломы. Она не плакала. Глядела на меня снизу вверх, на мои когти, на клыки, на шерсть,

которая еще не улеглась, и я видел, что боится она меня сейчас едва ли меньше, чем Клыка, может, даже больше.

Зверь, поймав ее взгляд, попятился и лег, вот так просто, как будто кто-то шикнул на него. Шерсть на плечах полезла обратно под кожу, мерзко зудя, когти втянулись, и через несколько вдохов я был уже человеком, в разорванной куртке, с чужой кровью под ногтями. Я присел рядом с ней на корточки.

- Ну что, рыжая, - голос еще хрипел и драл горло после рыка, - живая хоть?

Ответа не было. Губы она сжала добела и поползла назад, в клетку, к себе в угол, только рука подломилась на полпути, и она ткнулась щекой прямо в землю, в солому пополам с грязью. Тогда я взял ее на руки, ни о чем не спрашивая. Весу в ней было, как в охапке сена, а трясло так, что у меня самого застучали зубы, и я сперва даже не понял, чья это дрожь.

Клетку теперь было не запереть. Бурый, ковыряя замок, вогнал своим ключом обломок кости еще глубже, и замок встал намертво, ни туда, ни сюда. Я подергал его, выругался и плюнул. Значит, к себе. У нас с Анмиром за кожаным пологом в глубине пещеры было свое логово, подальше от стаи и ее вони, туда я ее и понес. Шел через всю пещеру мимо костра, мимо Клыка, который сидел у стены и трогал разбитый рот, мимо остальных, и никто, ни один, не поднял глаз. Она вцепилась мне в куртку на груди. Пальцы у нее были маленькие. Я нес ее и почему-то думал о том, что ноготь на

указательном у нее сломан до мяса и ей, наверное, больно так держаться.

За пологом было темно и тепло, на полу лежали шкуры, медвежьи и волчьи, сваленные кучей, в углу тлела жаровня. Я опустил ее на шкуры и хотел отстраниться, честно хотел. Но она не разжала пальцев.

Так мы и замерли: я стоял на коленях над ней, упираясь ладонью в шкуру у ее головы, а она держала меня за рубаху и глядела в лицо, и дыхание у нее было частое и рваное, как у загнанной лани. Разорванный халат сполз с плеча окончательно. Я видел ее грудь, маленькую и высокую, с темными от холода сосками, видел, как ходят под кожей ребра, такая она была худая, видел каждую веснушку на ее плечах, их было так много, будто кто-то рассыпал по ней горсть медной пыли и забыл стряхнуть.

Я положил ладонь ей на голую спину, и притянул к себе, чтобы согреть. Только чтобы согреть, говорил я себе. Она прижалась ко мне всем телом, и я почувствовал ее грудь, ее живот, и внутри у меня все полыхнуло.

Ладонь пошла ниже, вдоль спины, к пояснице, к тому месту, где спина переходит в изгиб над ягодицами. Она вздрогнула. Выдохнула мне в шею, горячо и рвано, но отталкивать она не стала, просто положила ладони мне на грудь, и я чувствовал какие они ледяные. Зверь во мне урчал. Человеку было мало. Человеку хотелось ее рот, хотелось опрокинуть

ее на эти шкуры, и пробовать ее всю, долго, пока она не перестанет дрожать от холода и не начнет дрожать от другого. Губы ее оказались совсем рядом. Дыхание щекотало мне подбородок, ресницы дрожали, она облизнула пересохшую губу, и я уже наклонился, уже почти, еще полвдоха...

- А ты ведь промолчал, - прошептала она прямо мне в рот, так тихо, что я скорее почувствовал слова, чем услышал. - Там, у костра. Тебя спросили, и ты промолчал, я видела.

Ощущение было, будто меня головой сунули в тот самый ручей у водопада и подержали.

- Дурак я был, рыжая, - выдохнул я и отодвинулся, ровно настолько, чтобы видеть ее глаза. - Упрямый дурак. Брат мне это в лицо говорит, я все отмахивался, а теперь, выходит, придется признать его правоту.

Шарф нашелся в рукаве куртки, нагретый и мятый. Я выдернул его и, пока не передумал, намотал ей на ободранное плечо, кое-как, пальцы путались в этом проклятом шелке. В конце концов я затянул его узлом у нее на груди, прикрыв то, на что глядеть мне сейчас было нельзя. Она скосила глаза на шарф. Что-то у нее в глазах мелькнуло.

- Откуда у тебя такое? - Голос у нее сел, и она откашлялась. - Ты на того, кто таскает с собой шелк, совсем не похож, уж прости.

- С покойника снял, - честно признался я и с удовольствием проследил, как она бледнеет. - Да шучу я. С купца. Он, правда, тоже уже не жалуется, но шарф ему все равно был не

к лицу, а тебе вот в самый раз.

Она открыла рот, собираясь ответить, и за моей спиной откинулся полог. Шаги брата я узнал бы из тысячи, легкие, их почти не слышно, и вместе с ним всегда входил холод, будто Анмир таскал на плечах зиму и стряхивал ее в каждой комнате, куда заходил. Даже жаровня притухла. Рыжая за моим плечом замерла и уставилась на него, и я видел в ее глазах отражение двух серебряных огней.

- Клык в ожогах, у Бурого рука в двух местах, стая жмется по углам, как побитые псы, - проронил Анмир за моей спиной. - А мой брат стоит на коленях над товаром колдуна, в нашем логове, и завязывает шелковые ленточки. Объяснишь мне, Эдар, или мне догадаться самому?

Я поднялся и повернулся к нему, загораживая ее собой. Анмир стоял у входа, в плаще, еще мокром от болотной мороси, и глядел мимо меня, на нее. И в его глазах, в этих холодных серебряных глазах, которые я знал всю жизнь и ни разу не видел, чтобы они горели, сейчас полыхало то же самое, что жгло меня изнутри.

Глава 6

Анмир

Гонца Акракса я ждал у Гнилого моста до самых сумерек. Колдун прислал отвратительное существо: длинное, сутулое, в балахоне из рогожи, перетянутом веревкой, с лицом, которое когда-то, наверное, было человеческим. Рот у него был зашит крупными стежками суровой нитки. Существо шло по мосту, и доски под ним не шевельнулись, хотя под любым из моих псов уже давно бы проломились.

Остановилось оно в шаге от меня и протянуло пластину из кости, плоскую, отполированную до желтизны, с выжженными на ней знаками. На пластине значилось: «В ночь полной Медной луны. У Черного шпиля. Целой». Полная луна. Колдун торопился, и это мне не понравилось. Он не говорил прежде, что ритуал привязан к луне, да еще к той, что живет в нашей крови.

Существо вдруг повернуло голову в сторону гор, туда, где за лесом было наше логово, и потянуло носом, как пес, взявший след, и из-под стежков у него вырвалось шипение, тонкое и злое, словно кто-то наступил на змею. Потом оно развернулось и ушло в туман, так и не издав больше ни звука.

В логово я вернулся к ночи и все понял еще у входа, по одному тому, как стая расползлась по углам. Клык сидел у стены с обгорелой бровью и распухшим ртом, Бурый скулил,

баюкая руку, примотанную к доске, а остальные при виде меня опустили головы так низко, что чуть не тыкались носами в землю. От костра несло паленой шерстью. Мне хватило одного взгляда, чтобы прочитать, что здесь случилось, и чем это кончилось.

За пологом я застал брата на коленях над ней. Он завязывал у нее на груди какую-то тряпку, винного цвета, и пальцы у Эдара, путались в узле, как у юнца на первом свидании. Услышав меня, он повернулся, загораживая ее собой.

- Она наша, - проронил Эдар. Голос у него был хриплый, сорванный рыком, но глядел он мне прямо в глаза. - Я так и стае объявил, при всех. Моя и твоя. Клык полез к ней, пока тебя не было, и, если бы не Ольх, она бы сейчас лежала у костра, а они бы стояли в очередь. Можешь злиться на меня сколько хочешь, брат.

- Ты решил за меня, - уронил я.

- Пока бы я бегал за тобой к Гнилому мосту, от нее бы уже ничего не осталось.

Возразить мне было нечего, и от этого злость во мне только разгоралась, бессмысленная и горячая, потому что дело было вовсе не в его словах. Стоял он чуть пригнувшись, будто вот-вот прыгнет, а глазами все косил назад, на нее. Такого взгляда я у брата отродясь не видел. Девок с ярмарки он разглядывал, как пироги на лотке, весело и жадно, прикидывая, какой бы цапнуть первым, а тут стерег, и это мне не понравилось куда сильнее.

Со мной тем временем творилось то же, что вчера. Зверь затихал, а на его место ползло тяжелое, горячее, и вот этого я боялся.

Она сидела на шкурах, в лохмотьях своего халата и в этом дурацком шарфе, завязанном бабьим узлом. Глаза сухие, ни слезинки. В волосах солома, на щеке грязь, на плече сквозь шелк проступило бурое пятно. Было видно, как она пытается сообразить, кто тут страшнее: псы у костра или мы двое. Будь у меня ответ, я бы, может, и поделился. Ответа у меня не было.

- Клык не успокоится, - произнес я стягивая с плеч мокрый плащ и бросая его на сундук в углу. - Ты сломал ему рот, а Бурому руку, и при всех назвал ее нашей. К утру они начнут шептаться, что слово Эдара ничего не стоит, раз старший его не подтвердил. А через пару ночей кто-нибудь посмелее Клыка решит проверить, правда ли это.

Эдар нахмурился, потом вдруг ухмыльнулся, всем лицом, как умел только он.

- Метка оборотня, - выдохнул он. - Ты про нее думаешь, я по глазам вижу. Старый обычай, со времен деда его никто не вспоминал.

- Повода не было. Сегодня он появился.

Она подалась вперед на шкурах и вцепилась пальцами в шарф на груди.

- Что еще за метка? - Голос у нее сорвался. - Вы что, клеймо на меня поставите, как на корову? Раскаленным железом?

- Кровью, - оборвал я ее. - Ты будешь стоять и молчать, пока мы не закончим, а потом ни один из стаи не посмеет к тебе прикоснуться, потому что на тебе будет наш след и они будут чуять его за сотню шагов. От стаи ты будешь в безопасности, рыжая.

- А кто убережет меня от вас двоих? - Подбородок у нее вздернулся.

Эдар вывел ее из-за полога за руку. Шла она босиком. Только пальцы дрожали. Это и отсюда было видно, и губу она закусила, нижнюю. Поставили мы ее между собой. Я разглядывал ее и не мог оторваться. От нее веяло страхом и тем сладким, теплым, от которого у меня еще вчера потемнело в глазах.

Я вытащил из-за голенища нож, старый, с костяной рукоятью, на которой отец когда-то вырезал волчью голову. Провел лезвием по ладони, неглубоко, ровно настолько, чтобы потекло. За спиной у нее Эдар просто выпустил коготь и рванул им по своей руке, щедро, по-эдаровски, так что кровь брызнула ей на подол. Она вздрогнула от этих брызг, но не отшатнулась.

Я положил ладонь ей на шею, сбоку. Повел ладонь вниз, по шее, на плечо, оставляя за собой темную полосу. Эдар у нее за спиной опустил свою окровавленную ладонь ей на поясницу, прямо на голую кожу, и притянул к себе, так, что она качнулась назад и уперлась спиной ему в грудь. Она закрыла глаза. Но слез не было, только губы приоткрылись. Сос-

ки под тонкой тканью затвердели и уперлись мне в запястье, и от этого прикосновения меня продрало до самого хребта, сильнее, чем от любой Медной луны. Мы с братом встретились взглядом, и в его желтых глазах я увидел свое отражение: тот же голод. Стоим, держим ее вдвоем, и ни один не делает того, что с любой другой сделал бы, не задумываясь. Почему, никто из нас объяснить бы не смог.

Я наклонился к ее уху, и вдохнул ее тепло так глубоко, что закружилась голова, и уже на выдохе проговорил слова, положенные по обычаю, старые, рычащие, на языке оборотней. Эдар повторил их за мной. Губы его при этом были у нее на шее, у самого плеча.

Стая завыла вся разом, во все глотки, пламя у костра пригнулось и затрепыхалось, кто-то от усердия сорвался на визг и закашлялся, а эхо пошло гулять по сводам и уползло куда-то вверх, к Медной луне. Клык не выл. Он сидел, сгорбившись, трогал языком разбитую губу и глядел на нас.

За пологом она опустилась на шкуры. На шее и плече у нее темнела моя кровь, на пояснице Эдара. Она не отрывала глаз от нас обоих.

- Это все? - прошептала она. - Теперь я с вашими метками, и, кроме вас, меня никому нельзя касаться?

- Клык к тебе теперь не подойдет, - отрезал Эдар, плюхаясь на сундук и перематывая разодранную ладонь первой попавшейся тряпкой. - Да и остальные тоже, уж поверь. Можешь спать спокойно, рыжая.

- А вы?

Брат глянул на меня. Я снова промолчал. Медальон на груди обжег меня так внезапно, что я дернулся и зашипел. Он висел у меня на груди с той самой ночи, когда мы вернулись из ее мира. Сейчас он раскалился, словно его вынули из горна. Я выдернул его за цепочку, и диск закачался у меня перед глазами, темный, и знак этот светился багровым. Посреди знака что-то шевельнулось. Это был глаз. Он открылся в самом центре медальона. И в голове у меня, прошелестел голос Акракса:

- Вы поставили метку на мое, псы.

глава 7

Алина

- ...носилки он пришлет к самому полнолунию, если небо не затянет, - донеслось из-за полога, и я перестала дышать.

Голос был старшего, ровный, тихий, его я узнала бы теперь где угодно, даже сквозь шкуру, которой был занавешен вход, даже сквозь треск костра и чье-то сонное ворчание у огня. Они вышли туда сразу после того, как в руке у него погас этот жуткий медальон с глазом, вышли оба, не сказав мне ни слова, и встали прямо за пологом, видимо, решив, что я усну. Я не спала.

- Он видел через эту штуку, - продолжал старший. - Видел метку. И, похоже, ему это сильно не понравилось.

- Да пусть подавится своим «не понравилось», - фыркнул младший, и я так и представила, как он скалится. - Целой она осталась, мы ж ее пальцем не тронули. Ну, ладонью разве что. Ладонью - это ж не считается, брат, а?

- Колдун сам решит, что у него считается, а что нет.

Повисла пауза, длинная, и я слышала только, как стреляет в костре полено и как кто-то в стае, кажется Бурый, скулит во сне над своей рукой.

- Золото - оно золото, - младший помолчал, и я услышала, как он скребет ногтем по чему-то деревянному, по столбу,

что ли, на котором держался полог. - И луна... ну, луна. Да не спорю я, брат, отстань. Воротит меня что-то от этого колдуна, вот и все.

- Как Медная нальется, так и отвезем, - бросил старший. - К Черному шпилю, уговор есть уговор. Идем к водопаду, глянем, не перекинулся ли кто, луна нынче злющая.

Шея чесалась зверски. Я поскребла ее, и под ногтями оказалась кровь. Это была его метка, старшего. На пояснице, где младший прижал свою руку, тоже. Я завела руку за спину, нащупала ее, и по позвоночнику снизу вверх прошло горячее, колючее, будто кто-то провел там перышком против шерсти. Отдернула пальцы. Ну уж нет, хватит с меня.

На сундуке в углу стоял кувшин с отбитой ручкой и медный таз, позеленевший по краю, а в тазу на дне засохла чья-то щетина. Я вытряхнула ее, налила воды, плеснула в лицо, вода была такая ледяная, что заломило зубы, и половина пролилась мне на колени. Потом намочила край халата и принялась тереть шею. Халату все равно уже ничего не грозило, от него осталось одно название. Терла долго, со злостью, кожа начала гореть, вода в тазу порыжела. А полоса осталась.

Сначала я решила, что не отмыла. Наклонилась над тазом, вода пошла рябью, я ждала, ждала, пока она успокоится, держась за край, и, когда наконец увидела, даже не сразу поняла, что вижу. Под кожей, там, где была кровь, тянулся узор. Тонкий, медно-рыжий. Завитки, а между ними острые

углы, похожие на следы когтей, и они не смывались, хоть ты тресни. Я скребла ногтями, до красноты, до того, что кое-где выступили капельки крови, уже моей собственной, а узору было хоть бы что, он сидел в коже так, будто вырос там вместе со мной.

На пояснице я его еле разглядела, пришлось вывернуться так, что хрустнуло в боку. Там был такой же, только крупнее, размашистее, с длинными рваными линиями, будто младший и тут не смог удержаться и наследил как попало. Клеймо, значит. Раскаленное железо им не понадобилось, хватило собственной крови. В голову лезла всякая ерунда -хозяйка квартиры, которая будет звонить и ругаться, что не заплачено, а потом, наверное, выставит мои вещи на лестничную клетку. Еще что в ноябре у меня день рождения, я хотела купить сапоги, зимние, на меху, и даже отложила на них в конверт под матрасом. Конверт найдет или нет. Бред в общем.

А потом, как я ни отворачивалась от этого, полезло другое. Сначала ладонь старшего на шее и его дыхание у самого моего уха, когда он выговаривал свои рычащие слова, так близко, что я чувствовала, как шевелятся волоски на виске. Губы младшего у плеча, горячие, чуть шершавые, обветренные, он ими не целовал, просто прижимался и говорил, говорил, и каждый раз, его губы проезжали по коже чуть ниже. Внизу живота опять налилось тяжелым. Я врезала кулаком по шкуре рядом с собой, со всей силы. Шкура мягко проглотила удар, только пыль поднялась, и я расчихалась.

Да что ж со мной такое творится. Меня украли, держали в клетке, продали колдуну, который, может, засушит меня на крюке вместе с остальными, а я сижу тут на шкурах и вспоминаю, как меня гладили их пальцы. Как дурочка.

Полог дернулся. Я подпрыгнула, сердце стукнуло в горле, но это был Ольх. Он сунулся внутрь наполовину, держа перед собой миску на вытянутых руках, как держат горячий горшок, поставил ее на пол и уже начал пятиться, не поднимая глаз, но тут взгляд его зацепился за мою шею, за узор, и он застыл, приоткрыв рот.

- Не смывается, - выдавила я. - Я терла. Ты знаешь, что это такое? Ну скажи хоть раз нормально, словами, ты же умеешь.

Он сглотнул, кадык у него дернулся.

- Пасть, - пробормотал он едва слышно, глядя куда-то мне в колени. - Метку Пасти не смыть. Ее только сами хозяева снять могут. Или если помрут.

И исчез за пологом, прежде чем я успела открыть рот. Я слышала, как он устраивается снаружи, прямо у входа: из-под края полога торчали его стоптанные башмаки с отклеившейся подошвой, левый был подвязан бечевкой. Сторожат, значит. От стаи теперь стеречь незачем, на мне их узор, стая и близко не подойдет. Стерегут чтобы я не сбежала до полнолуния, хотя куда бы я побежала.

Первым делом стащила с себя халат, то есть лохмотья, оставшиеся от халата, заляпанные кровью, и разодрала их

окончательно на полосы. Ткань была старая, застиранная, рвалась с треском и легко, и мне это почему-то понравилось, звук понравился. Одной полосой перевязала ободранное плечо, туго, зубами затянула узел. Другой стянула волосы на затылке, чтобы не лезли в лицо, хотя они все равно лезли, рыжие, спутанные. Шарф младшего перевязала почеловечески, крест-накрест на груди, с узлом на спине, как бабушка повязывала мне в детстве платок в мороз.

Плащ старшего так и валялся на сундуке, куда он его швырнул, темный, тяжелый, с мехом на вороте. Я встряхнула его и закуталась. Он был мне до пят, полы волочились по земле. От меха тянуло дымом, мокрой шерстью и им самим. На мгновение мне стало не по себе, будто это он сам меня обнял сзади. Ну и пусть. Плащ был теплый, а если старшему не нравится, пусть приходит и забирает, посмотрим, как у него это выйдет.

Кашу в миске я съела всю. Серая, комковатая, с хрящами и какими-то жилами, без соли, гадость редкостная. Но силы мне были нужны. Я не собиралась сидеть в углу до полнолуния и вздрагивать от каждого шороха, я собиралась смотреть и слушать, во все глаза и во все уши. Они ведь не каменные, эти двое. Младший промолчал тогда у костра, а потом прибежал и раскидал стаю, как бешеный. Старший пообещал, что меня никто не тронет, и ведь сдержал слово, хотя мог бы и не сдерживать, кто бы его заставил. Внутри у них что-то было не так. Сколько я перевидала псов, которых все в

округе считали безнадежными и злыми, а они просто ждали, когда кто-нибудь заметит, где у них болит.

Ольх снова сунул голову за полог, услышал, наверное, как я гремлю пустой миской. Увидел меня в плаще старшего, с тряпкой на голове и с узором на шее, и вытаращился, как сова на свет.

- Передай своим хозяевам, - выговорила я, - что если я теперь их собственность, то ее надо одевать. Пусть найдут что-нибудь на ноги. Иначе к полнолунию у меня отвалятся пальцы, и колдун получит товар с изъяном, а им за это, глядишь, недоплатят.

Ольх хмыкнул, коротко, почти беззвучно, и мне показалось, что в уголке рта у него дернулось что-то похожее на улыбку. Кивнул и пропал. Я опустилась на шкуры, и впервые с того момента как меня украли почувствовала внутри что-то, кроме страха.

И тут узор на шее обожгло холодом. Он впился в кожу ровно там, где тянулись медные завитки, и полез внутрь, к горлу, сдавил его изнутри, как будто я разом проглотила ледышку. Я схватилась за шею, но снаружи ничего не было, кожа как кожа, холод сидел глубже, под узором, во мне. И вместе с ним в голове зашелестел голос.

- Какая храбрая девочка, и какая теплая. Не бойся этих псов, им тебя не удержать, луна уже близко. А до луны, дитя, я наведаюсь к тебе и сам.

глава 8

Анмир

Стаю я собрал до рассвета, пока Медная еще висела над лесом. Псы, проспавшись после ночного воя, были злые и тихие, как всегда бывает после полнолунной ночи, даже неполной. Собрал у костра, не дав толком продрать глаза. Хорь натягивал сапог, прыгая и цепляясь за плечо соседа. Я подождал, пока он допрыгает.

- Ночью вы все видели метку, - начал я, и голос у меня был такой, каким я обычно разговариваю с должниками. - Кто-то, может, решил, что это забава, старый обычай, Эдару повыть захотелось. Так вот, чтобы потом никто не ссылался на глухоту. Пленницу не трогать. Не подходить к ней ближе вытянутой руки, не заговаривать, не пялиться, когда она ест или моется, рук сквозь полог не совать. Еду ей носит Ольх, больше никто. Кто нарушит, того я убью сам, при всех, и закапывать не стану, оставлю у входа, чтобы остальные запомнили.

Хорь наконец справился с сапогом и замер. Бурый, примотанная к доске рука на перевязи, втянул голову в плечи. Клык стоял сбоку, у самой стены, губа у него распухла и посинела, бровь облезла от огня, и молчал он так старательно, что это было громче любых слов. Я глядел на него, пока он не отвел глаза.

- Все понятно? - спросил я.

Они загудели вразнобой, кто кивнул, кто буркнул, а кто-то из молодых даже, кажется, поклонился, дурак. Ольх у полога расправил плечи, впервые на моей памяти, и, когда стая начала расползаться, подошел ко мне бочком, будто боялся, что я передумаю.

- Она просила, - выдавил он, разглядывая свои башмаки. - Ну, рыжая. На ноги что-нибудь. Говорит, пальцы отморозит, и колдун недоплатит.

Эдар, который все это время подпирал стену у входа и жевал травинку, вдруг поперхнулся и закашлялся, а потом заржал так, что с соседнего выступа сорвалась летучая мышь.

- Недоплатит, - простонал он, утирая глаза. - Брат, ты слышал? Сидит в нашем логове, с нашей меткой на шее, и торгуется за свою цену. Я ее начинаю любить.

Последнее слово он, кажется, бросил просто так, по привычке, как бросал его про хорошее вино и про удачную драку. Но сам же на нем и споткнулся: я видел, как дернулась у него щека, и травинку он выплюнул слишком резко. Я сделал вид, что не заметил.

Сапоги нашлись на дне сундука, под старыми капканами и связкой шкур, которые давно пора было продать. Мягкие, из оленьей кожи, сшитые сухожилиями, с бахромой у голенища, такие маленькие, что я сначала решил, будто это детские. Мать носила их, пока была жива. Я не открывал этот сундук, наверное, со дня ее похорон. Ерунда. Сапоги как са-

поги. Я сунул их под мышку и откинул полог.

Она сидела на шкурах, закутавшись в мой плащ до самого носа, только глаза торчали поверх меха да рыжие пряди, выбившиеся из-под тряпки, которой она стянула волосы. Плащ на ней был огромный, полы разметались по шкурам, и в нем она казалась еще меньше, совсем потерявшейся. Сухая лаванда, которую мать когда-то зашила в подкладку от моли, видно, высыпалась, когда она его встряхивала, потому что на шкурах вокруг нее лежали лиловые крупинки.

Мой плащ.

- Это мой, - выговорил я.

- Он валялся без дела, - ответила она, не опуская глаз. - А я замерзала. Если хочешь, забирай, только тебе придется снимать его самому, потому что сама я не отдам.

Она это нарочно. Проверяла, ударю или нет. Так щенок, которого только что отняли от матери, рычит на волкодава, тоненько, отчаянно, и сам себя боится больше, чем волкодава. Я положил перед ней сапоги.

- На ноги. Ты просила.

Она глянула на них, потом на меня и что-то у нее в лице дрогнуло. Протянула руку из-под плаща, коснулась бахромы, погладила кожу пальцем, как гладят кошку.

- Мягкие какие, - прошептала она. - Чьи это?

- Ничьи теперь. Надевай.

- Спасибо, - выдохнула она и тут же, видно испугавшись, что поблагодарила, затараторила: - Он со мной разговаривал.

Ночью.

- Кто? - Я так и остался на колене.

- Да колдун ваш. - Она стянула с шеи ворот плаща, и я увидел узор, мой узор, медные завитки от уха к плечу, а вокруг них кожу, расчесанную в кровь. - Вот тут вдруг холодно стало, будто снега за шиворот насыпали, и в горле тоже, изнутри, понимаешь? И голос. Сухой, шуршит, как листья под метлой. Храброй меня назвал. Девочкой. Сказал, вы меня не удержите, и он сам за мной придет, еще до луны.

Медальон, выходит, глядел не одним глазом. Кровь наша, которой мы метили ее, чтобы стая не лезла, проложила колдуну тропку прямо ей в голову.

- Дай гляну, - уронил я.

Она не шарахнулась. Вздохнула коротко и повернула голову. Шея с узором оказалась у меня прямо перед глазами, белая. Я тронул узор пальцами. Кожа как кожа, а под ней, глубоко, под медными линиями, шевельнулся холодок, словно подо льдом проплыла рыба. Зверь во мне, лежавший смирно, вскинулся и зарычал. Холод ушел под моими пальцами. Ресницы у нее дрогнули, губы разомкнулись.

- Ушло, - прошептала она удивленно. - Как ты это сделал?

Я не убирал руку. Пальцы мои лежали у нее на шее, на моем узоре, под ними частил пульс, и я чувствовал, как с каждым ее вдохом она чуть-чуть, клонится к моей ладони, как цветок к огню, и сама этого не замечает.

И тут меня ударило то, что не давало мне покоя всю ночь.

Теперь я понял, в чем было дело. Мне было мало ее тела, мне хотелось, чтобы она вот так клонилась к моей ладони сама. Чтобы она хотела. И ради этого, вовсе не ради колдуна и не ради золота, я убрал руку.

- Если опять станет холодно, зови, - бросил я. - Меня или Эдара. Ольх будет у полога, днем и ночью. Плащ можешь оставить себе.

- Ты куда? - вырвалось у нее, и она тут же прикусила язык, покраснев до корней волос.

- Ослепить ему глаз, - ответил я и вышел, не оборачиваясь.

Медальон я вынул из-под рубахи уже у водопада. Знак на нем не светился, и глаза в нем не было, только темный диск с выпуклым узором. Я завернул его в волчью шкуру, старую, с проплешинами, и перетянул ремнем крест-накрест. Шкура оборотня, говорили старики, глушит любое колдовство.

За водопадом, если пробраться по скользкому уступу вдоль скалы, в стене была ниша. Мы с Эдаром в детстве прятали там ворованные пряники, а потом, когда подросли, кое-что посерьезнее. Добрался я туда. Сверток затолкал в самую глубину и придавил камнем. Сквозь падающую воду, из той самой ниши, где теперь под камнем лежал медальон в волчьей шкуре, сочился свет.

Глава 9

Эдар

- Еще раз, - велел я Хорю и сплюнул в песок кровь, свою, из разбитой губы.

Хорь глядел на меня, как глядят на медведя, который зачем-то вылез из берлоги посреди зимы и требует, чтобы с ним поплясали. Сопливый, мелкий, на голову ниже меня, он и драться-то толком не умел, только кусался, но других желающих на площадке за водопадом с утра не нашлось. Остальные, едва я вышел из пещеры, разом вспомнили про неотложные дела: кому шкуры мять, кому дрова колоть, а Бурый со своей рукой и вовсе прикинулся, что спит.

- Эдар, да я ж тебе уже зуб задел, ну, шатается он у тебя теперь, - заскулил Хорь, пятясь. - Старший узнает, что я тебя по морде бил, он меня у входа закопает, сам ведь грозился.

- Старший грозился за рыжую, а про мою морду уговора не было. Давай, бей, кому сказано.

Он ударил. Плохо, косо, кулаком в плечо, я даже не стал уворачиваться. Ударил в ответ, вполсилы, и Хорь улетел в куст можжевельника и застрял там ногами кверху, ругаясь так, что с ветки взлетела сорока. Легче мне не стало.

Я-то надеялся, что после драки в голове посветлеет, так всегда было: подерешься с кем-нибудь до крови из носа, и все опять стоит, где стояло. Сегодня не стояло. Как ни крути,

мысли сползали в одну сторону, за кожаный полог, где на наших шкурах сидела рыжая.

Сапоги! Я их по бахроме узнал, едва сунул утром нос за полог. Бахрома там с одного бока обрезана, это я, сопляком еще, ножом отхватил, за что и получил от матери полотенцем. А брат хоть бы бровью повел. Плечами пожал: валялись, мол. Валялись, ага. С похорон валялись, и он меня к тому сундуку не подпускал, однажды чуть руку не сломал, когда я полез туда за капканом.

Хорь выбрался наконец из можжевельника и поплелся к пещере кривым боком, костеря меня и всю мою родню вплоть до прадеда, которого и сам-то никогда не видел. Держать я его не стал. В лес я ушел один и до самого вечера. Брату бросил, что поохочусь. Мяса в логове, правда, хватило бы на неделю, но Анмир только кивнул, даже головы не поднял от кости, на которой ножом царапал какие-то знаки. Он совсем притих. А когда мой брат притихает, это хуже, чем когда рычит.

Луна еще не взошла, но уже висела где-то там, у самого горизонта, тяжелая, налитая, и в крови у меня гудело, как в улье. Я перекинулся, и дальше бежал уже зверем. Кабана я взял у ручья, у самой воды, здоровенного секача с клыками в мою ладонь длиной. Он рыл корни, а я вылетел из подлеска и сбил его с ног. Мы покатились по грязи, он визжал, хрипел, полоснул меня клыком по бедру, и я этого почти не почувствовал. Зверь во мне ревел от радости. Когда все кончи-

лось, я стоял над тушей, весь в чужой и своей крови, и тяжело дышал, и никак не мог перекинуться обратно, потому что зверь не хотел уходить. Ему было хорошо, ему было мало, ему хотелось еще.

Вот тогда я и подумал про нее. Совсем не к месту. Стоял по колено в ручье над дохлым кабаном и вспоминал, как вчера за пологом прижимал ее к себе, и как зверь, учуяв ее, лег у меня внутри, как старый пес у печки, и заурчал.

Сейчас он не урчал. Сейчас он рычал и требовал крови, а мне вдруг стало страшно. По-настоящему, как в детстве, когда отец ушел в лес и не вернулся. Потому что я понял: рядом с ней зверь затихает, а без нее он сожрет меня раньше, чем Медная войдет в полную силу. И еще понял, что мне хочется к ней вернуться. Не за тем, чтобы взять, хотя и за этим тоже, куда ж без этого. А просто сесть рядом и чтобы зверь лег.

Эта мысль меня взбесила так, что я вырвал из земли молодую березку, которая росла у ручья, и зашвырнул ее в кусты.

Перекинулся я только к сумеркам. Отмывал с кожи кровь ледяной водой и думал о всякой ерунде. О том, как у нее дрожали ресницы, когда мы с братом держали ее между собой, и как она закусывала губу, чтобы не всхлипнуть. От этой мысли меня бросило в жар, и я окунул голову в ручей. Не помогло. Под веками сразу всплыло другое: ее грудь под мокрой тканью, маленькая, с темными сосками, которые упирались

брату в запястье, а я стоял сзади и видел это через ее плечо. Ее поясница под моей ладонью, гладкая, теплая, с крошечными мурашками, когда я проводил пальцами. Член встал так, что ныло в паху, хоть волком вой, и это в ледяной воде, посреди леса, над дохлым кабаном. Тьфу.

А ведь было и другое, похуже, чем похоть. С похотью я умел обходиться, похоть проходит. А вот с этим я не знал, что делать. Мне хотелось ее утешить. Обнять так, как обнимал вчера, укутать во что-нибудь теплое и сидеть, пока она не перестанет дрожать. Хотелось принести ей что-нибудь вкусное вместо Ольховой каши, которую и псы-то едят через раз. Я даже, позор какой, набрал у ручья горсть брусники, последней, подмороженной, сладкой, и сунул в карман, и только на полдороге к логову сообразил, что делаю, и вывернул карман в мох. А потом вернулся, собрал ее обратно и шел до самой пещеры, ругая себя последними словами.

У полога сидел Ольх, привалившись спиной к стене, и клевал носом. Увидев меня, он вскочил, чуть не опрокинув миску с недоеденной кашей.

- Иди спать, - бросил я. - Я посторожу.

- Старший велел мне...

- А я велю тебе идти спать. Или хочешь, как Хорь, полежать в можжевельнике?

Он сглотнул и исчез, и я остался у полога один. Стая у костра давно дрыхла, вповалку, кто-то сопел, кто-то бормотал во сне, огонь прогорел почти до углей. Медная висела почти

полная, с тонким темным краем, и, если глядеть на нее долго, начинало казаться, что она глядит в ответ.

Я опустился на корточки, привалился плечом к стене и положил руку на край полога, туда, где шкура не доходила до земли. Она не спала. Я слышал, как она возится там, на шкурах, и как плещет вода в тазу. Мылась. Край полога был отогнут, совсем немного, на ширину ладони, и сквозь эту щель падал рыжий отсвет жаровни...

Она стояла ко мне спиной. Мокрые волосы она перекинула через плечо, и вода стекала с них по шее вниз, по позвоночнику, к пояснице. А там, на пояснице, горел мой узор, медные рваные линии, широкие, размашистые, моя метка на ее коже. Она водила по нему мокрой тряпкой, водила и водила, словно хотела стереть, а он не стирался.

Я перестал дышать. Внутри что-то лопнуло, как перетянутая тетива, и зверь, который весь день рвал меня изнутри, вдруг затих и лег, положив морду на лапы. А вместо него поднялось другое, горячее и тяжелое, от чего у меня свело живот и пересохло во рту, а член уперся в шнуровку штанов так, что пришлось стиснуть зубы. Я откинул полог и вошел. Она вскрикнула, прикрылась - я перехватил запястья, развернул спиной к себе и прижал к себе.

- Брат сказал не пялиться. Он не сказал не трогать.

Она замерла в моих руках, мокрая, напряженная, и я чувствовал, как часто она дышит, как дрожит ее спина у меня на груди. В ответ она не произнесла ни слова, только сглотнула,

и мне этого хватило.

Ладонь легла на метку на пояснице. Медные линии под пальцами были теплыми. Я провел по ним медленно, и она вздрогнула всем телом, но не отстранилась. Вода с мокрых волос стекала ей по позвоночнику, капала мне на грудь, текла ниже по животу. Я прижал ее крепче, так что голая спина легла мне на грудь, и свободной рукой обхватил грудь - маленькую, мокрую, с темным соском, который затвердел под пальцами. Она выдохнула сквозь зубы и уперлась ладонями в край таза.

Я склонил голову и прижался губами к ее шее, туда, где мокрые пряди открывали кожу. От нее веяло дымом жаровни и речной водой, и у меня закружилась голова. Я целовал ее шею неторопливо, жадно, собирая губами капли, и чувствовал, как сбивается ее дыхание, как она сама, против воли, клонит голову, открываясь мне. Ладонь на ее пояснице так и лежала поверх метки, и медные линии будто откликались на мое касание, разгорались ярче, наливались светом, словно узнавали хозяина. По ее спине прокатилась дрожь, от затылка до самых ягодиц, и она подалась назад, прижимаясь ко мне всем телом.

Я скользнул ладонью ниже, по мокрой коже живота, к бедру. Она снова дернулась, когда пальцы легли между ног. Там было горячо и скользко от воды и от нее самой. Я раздвинул пальцами, и она вздрогнула. Я прижался к ней сзади, и она ахнула, почувствовав, как я вхожу в нее - медленно,

до конца, пока бедра не прижались к ее ягодицам. Я замер, чувствуя, как она сжимается вокруг меня, горячая и тесная. Зверь внутри заурчал.

Я начал двигаться. Не быстро, глубоко, каждый раз почти полностью выходя и возвращаясь, чтобы чувствовать, как она принимает меня. Второй рукой сжимал грудь, пальцем лаская сосок, и она каждый раз вздрагивала и подавалась навстречу. Дыхание ее сбилось на короткие вздохи. Я опустил руку с груди ниже, нашел пальцами место, где она была особенно чувствительна, и начал ласкать в такт своим движениям. Она задрожала, закусила губу, потом свою ладонь, чтобы не закричать. Я чувствовал, как внутри нее все сжимается сильнее, как дрожат бедра. Ускорил. Она толкнулась назад, принимая глубже, и я стиснул зубы, чтобы не зарычать.

Я гладил ее живот, плоский, напряженный, и чувствовал ладонью, как он вздрагивает при каждом моем движении внутри нее. Капли с ее волос катились по моим рукам, мешались с потом. Мокрая кожа скользила по коже, горячая, гладкая, так что я прижимал ее крепче, боясь отпустить. Она запрокинула голову мне на плечо, и я видел ее лицо сбоку, приоткрытые губы, дрожащие ресницы, румянец, заливший щеки. Она ни разу не открыла глаз, будто боялась, что все исчезнет, стоит ей взглянуть.

Тогда я перехватил ее ладони, положил их на край таза и прижал своими, переплетая пальцы. Она склонилась вперед, подставляя мне спину. Метка на пояснице полыхала медью

прямо у меня перед глазами, и я смотрел, как она переливается при каждом толчке, как свет растекается по ее коже все шире, захватывая ягодицы и бедра. Ее мокрые волосы соскользнули с плеча и повисли над водой. Я держал ее крепко, вбирая каждое ее вздрагивание, каждый сдавленный всхлип, и зверь во мне уже не урчал, он замер, прислушиваясь к ней так же жадно, как я сам.

Жаровня бросала на нас рыжие отсветы, и в них ее кожа блестела, будто натертая маслом. Я слышал только ее сбитое дыхание, плеск воды да собственное сердце, гремевшее в ушах. Каждый раз, когда я подавался вперед, она отвечала мне, встречала бедрами, и мы сталкивались все жестче, все нетерпеливее, забыв о тех, кто мог услышать за пологом. Ее пальцы под моими ладонями то сжимались, то разжимались, ногти царапали край таза. Таз ходил ходуном, вода выплескивалась на шкуры, но остановиться я уже не мог.

Ее ноги подкашивались. Я удержал ее за талию, продолжая двигаться, пока она не затряслась и не выгнулась, глуша стон в собственной ладони.

Наслаждение обрушилось на меня тяжело, жарко, выбило дыхание и опустошило до дна. На какой-то миг мне почудилось, что медный свет ее метки течет по моим рукам, впитывается в кожу, становится частью меня.

Я двигался еще несколько раз, глубоко и жестко, пока жар не прокатился по мне, и я не замер, прижимая ее к себе. Вытер пальцы о ее ягодицу и вышел, оставив ее стоять у таза на

трясущихся ногах.

Брусника в кармане раздавилась, когда я сжал кулак, и по пальцам потек холодный сок.

Я отпустил край полога. Привалился затылком к скале и сидел так, сжав зубы, до тех пор, пока вода в тазу не перестала плескать и не зашуршали шкуры. Она легла. Я слышал, как она ворочается, как вздыхает, как шепчет чье-то имя, собачье, кажется, Барон. Потом затихла. Я так и сидел. Над головой ползла Медная, и угли в костре один за другим подергивались пеплом.

Сколько прошло времени, я так и не понял. Может, задремал, потому что очнулся от того, что затек бок. И от звука. Полог отодвинулся. Она вышла босая, хотя материны сапоги стояли тут же, у входа, и прошла мимо меня так близко, что подол братнина плаща мазнул меня по колену. Она меня не заметила. Шла ровно, прямо, руки висели вдоль тела, волосы распущены, и лицо в свете Медной было белое, спокойное, совсем не ее. А глаза... Глаза у нее были открыты и пусты. Она шла туда, где за туманом, за лесом и топями стоял Черный шпиль.

Я вскочил, загородил ей дорогу и схватил за плечи, она остановилась, будто наткнулась на дерево. Подняла ко мне белое лицо. Губы шевельнулись, и голос, который из них вышел, был совсем не ее.

- Прочь с дороги, пес. Она уже идет ко мне.

Глава 10

Алина

- Еще раз так сделаешь, рыжая, привяжу к себе ремнем и буду спать в обнимку, хочешь ты того или нет, - проворчал младший где-то у меня над ухом, и по голосу было слышно, что он не шутит, хотя и пытается.

Зубы у меня стучали так, что я едва разобрала слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.